

Хроники

ЭХО

Макс Фрай

НЕУЛОВИМЫЙ
ХАББА ХЭН

История, рассказанная

сэром Максом из ЭХО

Хроники Ехо

Макс Фрай

Неуловимый Хабба Хэн

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Неуловимый Хабба Хэн / М. Фрай — «Издательство АСТ»,
2005 — (Хроники Ехо)

ISBN 978-5-17-092455-4

Трактир «Кофейная гуща» стоит на границе между новорожденной реальностью и непознаваемым хаосом ещё неосуществлённых возможностей. Он стал центральным местом действия цикла «Хроники Ехо», в ходе которого старые друзья и коллеги встречаются, чтобы поговорить о прошлом и помолчать о будущем, которое уже почти наступило. В третьей книге цикла «Хроники Ехо» сэр Макс рассказывает историю о том, как натворил бед, чуть было не отправился в бессрочное изгнание, нищенствовал, сердился и шлялся по притонам, побывал в чужой шкуре и неожиданно нашел там самого себя. Ну и неуловимого Хаббу Хэна – за компанию.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-092455-4

© Фрай М., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Макс Фрай

Неуловимый Хабба Хэн

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

...all these moments will be lost in time...
«Blade Runner» by Ridley Scott

На рассвете Тришу разбудил шум за окном. Ходит кто-то, палой листвой шуришит, ветки трещат – ну и дела! Она немного поворочалась с боку на бок, потом все-таки оделась, шаль на плечи набросила и вышла в сад поглядеть, что там происходит. Хозяйским, так сказать, глазом. На Франка надежды мало, вряд ли он сейчас дома. Не в его привычках встречать рассвет в собственной спальне.

Ну и хорошо, что вышла. Осталась бы в постели – долго еще прислушивалась бы к шорохам, да голову ломала: что там творится? А тут сразу все стало ясно. Это, оказывается, гость, который Макс, забрел в сад, залез зачем-то на дерево, совсем не высоко, всего в паре метров над землей нашел удобную ветку, расселся там, как в кресле, скрестил руки на груди, глядит в небо, ухмыляется мечтательно, ногами болтает. Живой туман приполз из глубины сада, окутал плечи гостя, как плед, чтобы не замерз человек, не простудился. Молодец, что тут скажешь? Всегда бы так.

– Уже проснулся? Так рано?

Триша удивлена – слов нет. Разошлись-то сильно за полночь.

– Ага, проснулся, как же! Просто еще не ложился, – объясняет Макс. – Я тебя разбудил, когда на дерево лез? Извини, Триша. Чему я, наверное, никогда не выучусь, так это бесшумно двигаться.

– Ничего, – отмахивается она. – Разбудил, конечно, но я люблю иногда на рассвете вставать. Поспать потом и днем можно, если захочется. А ты что, вовсе никогда не спишь?

– Ну что ты. Спать – мое основное занятие. Видеть сны и сниться, а больше я толком ничего и не умею, пожалуй, – улыбается он. – Я скоро лягу. Вот покурю и... Самое милое дело – дрыхнуть до полудня. Или дольше. Пока пинками из постели не погонят.

– Да кто ж тебя погонит? – изумляется Триша. – Спи себе на здоровье, сколько влезет.

– Какая ты молодец. Очень правильно рассуждаешь. Все бы так! – вздыхает он.

Помолчали.

Трише ужасно интересно, чем он всю ночь занимался, но она знает, что люди не любят расспросов, ей Франк объяснил. А то бы спросила, конечно. Но Макс сам понял, что она умирает от любопытства, и пришел на помощь.

– Я Джусуффина проводил немножко, – говорит.

– А Джусуффин все-таки ушел? – всполошилась Триша. – Почему? Разве ему у нас не понравилось?

– Еще как понравилось. Грозился теперь часто будет заходить. Дескать, дорогу уже знает... Просто у него куча дел, действительно. И подозреваю, как минимум одна очень серьезная проблема, которую нужно срочно обдумать и обсудить. Со старшими, так сказать, товарищами.

– Проблема? – хмурится Триша.

– Ну да. Я и есть эта самая проблема, – охотно объясняет Макс, сопровождая драматическое признание чудовищным зевком. – Я же правду говорил, Мир, который чудом уцелел – причем не без моей скромной помощи – теперь таит от моего взгляда. Скажешь, не проблема?

– Ну, ты же туда не собираешься, значит и беспокоиться не о чем, – рассудительно говорит Триша.

– Ну да – не о чем! Мои благие намерения, честное слово и прочие прекрасные глупости – так себе гарантия безопасности. Не хотел бы я быть частью реальности, существование которой зависит только от честного слова какого-то доброго дяди. Особенно если этот дядя – я сам.

– Ты себе не веришь? – удивляется Триша.

– Ну почему же, верю – до какого-то предела. А иногда посмотрю в зеркало, а оттуда ухмыляется незнакомый хмырь, и рожка у него самая что ни на есть подозрительная. И вот ему-то я не верю ни на грош.

– Трудная у тебя жизнь, если так, – сочувственно говорит Триша.

– Зато интересная. Да нет, не так все страшно, конечно. Но Джусуффину действительно надо разобраться, почему реальность таит от моего взгляда. Что не так – с Миром или со мной? Или с обоими? Пока не поймет, не успокоится, я его знаю. К тому же ему придется придумать, как свести опасность к минимуму. Убивать он меня не станет, это понятно. Даже если отбросить сентиментальные соображения, шеф не любитель добро понапрасну переводить. А запирать меня не имеет смысла – сбегу. Рано или поздно, так или иначе, а – фьют! – и нет меня. Я отовсюду сбегаю, иногда – непреднамеренно. Таково свойство моего организма, и Джусуффин это прекрасно знает. Значит, придется ему придумать еще что-нибудь. Я рад, что это не мои проблемы. Я бы на его месте рехнулся, пожалуй.

– Он точно придумает, – обещает Триша. – Что-нибудь такое, что всех устроит. Он такой... Такой!

Она умолкает, потому что не знает слов, подходящих для достойной похвалы сэру Джусуффину Халли. Разве только руками всплеснуть, глаза возвести к небу, задержать дыхание, а потом медленно-медленно выдохнуть и улыбнуться.

– Эй, да ты, похоже, влюбилась в моего бывшего шефа, – Макс лукаво ей подмигивает и качает головой – не то удивленно, не то укоризненно.

– Конечно, влюбилась, – Триша рада, что он ее правильно понял. – А как еще?

Немного поразмыслив, она приходит к выводу, что правильно, но не совсем.

– Ты не забывай, – строго говорит Триша, – я же только с виду человек. У кошек все иначе. Когда я говорю, что влюбилась, это значит, я просто счастлива, что такое существо есть на свете. А уж если вдруг оно рядом со мной какое-то время будет находиться – вообще сказка, праздник! И ничего мне от него больше не надо. Пусть что хочет, то и делает. Ну, если по голове меня погладит, я, конечно, от счастья растаю. А нет – так нет, не беда и не повод для грусти. Погляжу на него, послушаю, да и пойду по своим делам. Вот это я называю – «влюбиться». А ты что подумал?

– Ерунду я подумал, – Макс улыбается до ушей. – Извини, Триша. У меня тоже иногда получается так влюбиться, как ты рассказываешь. Но не всегда. Ох, не всегда!

– Это потому что ты не кот, – снисходительно объясняет она. – Конечно, тебе труднее! Но если хоть иногда получается, уже хорошо. Ты молодец.

– Спасибо, – очень серьезно отвечает Макс. И головой кивает – вроде как кланяется. По-настоящему-то не поклониться, когда на дереве сидишь.

– А ты с Джусуффином больше не ссорился? – спрашивает Триша. – Он точно не поэтому ушел?

Спрашивает и сама себе удивляется. Еще недавно так стеснялась новых гостей (а Макса – в особенности), глаза лишний раз поднять на него не решалась, а теперь, гляди-ка, как старшая себя ведет, то хвалит его, то расспрашивает бесцеремонно. Это наверно потому, что невозможно стесняться человека, который сидит на дереве и болтает ногами, как мальчишка. А он ничего, терпит, не спешит поставить ее на место. Хороший такой. Зря она вчера вечером на него сердилась.

– Да ну, какие там ссоры, – отмахивается Макс. – И давеча в кофейне – это же не ссора была. Просто в свое время мы расстались при таких обстоятельствах, что я твердо знал: все, больше никогда Джуффина не увижу¹. Ну и пришлось всеми правдами и неправдами выкидывать его из сердца, потому что иначе я рехнулся бы. Для меня в ту пору Джуффин был всем. Господом богом и добрым дядюшкой, лучшим в мире начальником и любимым учителем, старшим братом и ангелом-хранителем – словом, совсем не тот случай, когда достаточно знать, что есть где-то во Вселенной такой человек, и радоваться... В общем, как-то я его из сердца все же выкинул и худо-бедно успокоился. А тут он снова появляется в моей жизни, и ну обратно в сердце ломиться! Не впустить – не выходит, впускать – трудно, больно и, самое главное, непонятно, с чего начинать. Вот я и лез на стенку. Но теперь-то дело сделано, ни к чему больше комедию ломать, надо просто учиться дружить, как он с самого начала и предложил... Ну вот, в результате мы с ним полночи тут в саду просидели, трепались о том, о сем, и я пошел его провожать. А потом ужэ Джуффин меня провожал обратно, потому что в одиночку я бы десять тысяч лет плутал, пожалуй... Интересными тропами он между Мирами ходит, ничего не скажешь! Увлекательная вышла прогулка. Круче, чем в Северо-западный проход играть.

– А как это – играть в Северо-западный проход? – спрашивает Триша. И, спохватившись, добавляет неуверенно: – Или это тайна?

– Да ну, что ты! Какая же это тайна? Просто игра. Залезай ко мне, я тебе правила расскажу. Тут как раз места хватит. Отличная ветка.

Триша давно уже хотела к нему залезть, но все же немного неловко было без приглашения. А теперь-то чего медлить, одним прыжком, раз – и там.

– Ловкая какая, – одобрительно говорит Макс. – Я по сравнению с тобой медведь неуклюжий.

– Ну, ты же не родился котом, – напоминает она. – Зато ты другие вещи умеешь. Чай имбирный у тебя вчера здорово получился. Ну и наш Город тоже хорошо вышел.

– Вот! Мне очень нравится твоя расстановка приоритетов. Этому мне точно надо бы у тебя поучиться.

Странный он все-таки. Никак не поймешь, когда шутит, а когда серьезно говорит. Впрочем, очень может быть, что Макс делает это одновременно. С него станется.

– Северо-западный проход, – напоминает Триша. – Играть! Как?

Нескладно вышло, зато понятно, чего она сейчас от него ждет.

– Ага. Северо-западный проход. Правила. Слушай, – в тон ей отвечает Макс, и они оба смеются – тихонько, чтобы никого не разбудить.

– Правила простые, – отсмеявшись, говорит Макс. – Нужно пройти из одного места в другое каким-нибудь новым, неизвестным тебе путем. Чем больше откроешь со временем новых дорог, тем лучше. Вот у тебя есть какой-то постоянный маршрут? Куда-нибудь ты изо дня в день ходишь?

– Ну, например, на рынок и обратно. Не каждый день, но часто. Всегда одной и той же дорогой хожу, самой короткой. А как еще?

¹ Обстоятельства эти описаны в повести «Тихий город».

– Дело хозяйское, конечно. Кому как нравится. Но суть игры в том и состоит, чтобы найти как можно больше разных способов добраться от твоей кофейни до рынка. Это могут быть очень длинные, путаные и неудобные дороги. А можно случайно найти еще более короткий путь, так бывает. Если, скажем, не по улице, а проходными дворами. Ну, как повезет.

– А как понять, выиграл ты, или проиграл? – спрашивает Триша. – В человеческих играх так положено, чтобы был победитель. Я знаю, мне Франк объяснял.

– Очень просто. Если ты пойдешь незнакомой дорогой и не заблудишься, не упрешься в тупик, не застрянешь в запертом дворе, а доберешься до цели, значит выиграла. А если придется возвращаться назад и начинать все сначала – проиграла. Но, честно говоря, проигрывать – тоже сплошное удовольствие. Столько всего интересного можно обнаружить в этих самых тупиках да запертых дворах... Знай себе ныряй в любой проем, одно из двух: или положишь новую прямую между двумя точками, или просто забредешь неведомо куда, увидишь что-нибудь эдакое, испугаешься до полусмерти, налюбишься всласть, да и пойдешь назад.

– Наверное, – соглашается Триша.

Она удивлена. Прежде ей и в голову не приходило превращать поход на рынок в приключение. Оказывается, можно и так.

– Ты сам эту игру выдумал? – спрашивает она.

– Нет, что ты. В книжке вычитал². Давно еще, когда маленький был. С тех пор это у меня любимая игра.

– А почему именно «северо-западный проход»? Надо сначала обязательно на северо-запад идти?

– Нет, что ты. Просто в книжке, которую я читал, дети искали северо-западный вход в школу. У них еще было важное условие – не опоздать на урок. Но я, честно говоря, на часы особо не смотрю. Сутками готов плутать, мне только волю дай.

– Я, наверное, попробую поиграть в твою игру, – говорит Триша. – Мне уже интересно, один дворик на Тихой улице, с красной калиткой – он проходной, или как? И куда ведет Мокрый мост, я же так ни разу по нему и не гуляла... Слушай, выходит, я тут давно живу, а город толком не знаю. Как же так?

– Обычное дело, – утешает ее Макс. – Мало кто хорошо знает город, в котором живет. Думают, это неинтересно. Зато чужие города изучать полно охотников. Вот я, например. И снова тихо смеется. Над собой, что ли?

– Я и чужих городов не знаю, – вздыхает Триша, – и свой – не очень-то. Только нашу кофейню, этот сад и несколько соседних переулков. Тут-то я, конечно, все уже разведала.

– Ну вот, – подмигивает ей Макс. – Самое время приступить к новым исследованиям.

Потом он все-таки идет спать, а Триша, прихватив корзину, отправляется на рынок. Торговцы только через час соберутся, не раньше. Вот и славно. Значит, спешить некуда. Можно теперь же, не откладывая, поискать новый путь. Но обратно, с покупками – кратчайшей дорогой, тут не до прогулок. А может быть, ей повезет и същется попутчик. Обычно когда корзина очень уж тяжелая, и Трише по-настоящему неохота пешком домой возвращаться – не просто лень, а действительно тяжело – обязательно находится желающий помочь. С тележкой, или на воздушном шаре, или на лошади, это уж по обстоятельствам, но выручат ее непременно. Так уж в Городе заведено, чрезмерной опекой никто особо не избалован, но мелкие проблемы решаются сами собой, а серьезных вроде бы и нет ни у кого. То ли Макс так придумал, то ли потом уже само сложилось – да какая, собственно, разница? Главное, что так есть.

² Эта игра описана в рассказе Герберта Уэллса «Дверь в стене».

Франк объявился только в сумерках, когда немногочисленные завсегдатаи «Кофейной гущи» уже ушли, а гости как раз вернулись с прогулки и напросились помочь, так что Триша усадила их обрывать лиловые лепестки цветов, предназначенных для салата. В кои-то веки Франк пришел не с пустыми руками, принес бутылочку росы, собранной с цветущих яблонь и пригоршню разноцветных прозрачных камней, которые тут же принялся толочь в ступе. Не то в кофе будет класть этот чудодейственный порошок, не то в суп – поди разбери. Триша никогда прежде не видела таких специй, да и гостинцами не слишком избалована, поэтому обрадовалась не на шутку, даже в пляс пустилась – сама, не дожидаясь, когда Франк попросит.

– А я сегодня в Северо-западный проход играла! – говорит она, утомившись. – Макс меня научил.

Франк приподнимает бровь. Дескать, вот оно как. Но, кажется, очень доволен.

– Макс – такой, да, ему лишь бы детишек несмышленых глупостям всяким учить, – наконец говорит он. – В этом, думаю я, и заключается смысл его существования. Крысоловом из Гамельна не ты ли часом был?

– Не помню, – беззаботно отвечает Макс. – А, кстати, жаль, если не я. Завидная судьба.

– Ага, он и меня когда-то учил в Северо-западный проход играть, – громко шепчет Трише сероглазая Меламори. – И ведь проверял, мерзавец! Все новые проходные дворы и переулки велел потом показывать, чтобы не жульничала.

– Ты не впилила, как говорил один наш с тобой приятель. Это я тогда просто повод искал лишний раз с тобой погулять, – смеется Макс. – Ну и город заодно узнать получше. А что, отличный предлог!

Она укоризненно качает головой, а сама улыбается до ушей.

Трише кажется, что она начинает наконец понимать, зачем некоторые люди заводят котят. Одно удовольствие глядеть, как они играют, дерутся невзавраду, клубками по полу катаются – вот и с гостями то же самое. «Надо бы их уговорить, чтобы пожили тут у нас подольше, – думает она. – Франк довольный ходит, как именинник, да им и самим тут хорошо, разве нет? А уж мне-то как нравится...»

Макс, небось, опять спросил бы, уж не влюбилась ли? И Триша честно ответила бы – ну да. Еще как влюбилась. Всем сердцем. В обоих.

«Хорошо бы еще с Меламори так же поговорить, как с Максом вышло, ночью, вдвоем, – думает она. – Только не в саду на дереве, а тут, в кофейне. Потому что на кухне можно заваривать чай, грызть печенье и болтать одновременно. Так лучше».

Макс меж тем принялся поглядывать на двери. То на парадный вход, то на выход в сад. Нет-нет, да и зыркнет недовольно, дескать, где же гость? Он не любит ждать, это сразу видно.

– Опять нервничаешь? – спрашивает Триша.

Он мотает головой.

– Да ну. Не нервничаю. Просто лопаюсь от нетерпения. Тут такие дела творятся, понимаешь. Можно сказать, два мешка с сюрпризами заготовлены, и я – главный Дед Мороз...

– Дед? – изумляется Триша. – Ты же молодой! Что за дед?

Макс хмыляется до ушей.

– А вот такой специальный полезный сказочный дед с длинной белой бородой, который приходит раз в году с мешком подарков для всех. Совсем ты, Триша, сказок не знаешь. Впрочем, оно и правильно. Одни сказки читают, а другие в них живут.

– Я не по...

– А нечего тут понимать. Глупости я говорю, – вздыхает он.

– Вот именно, – вмешивается Франк. – Триша не в сказке живет. В мифе – да, пожалуй. Но уж никак не в сказке. Это разные вещи.

– Ну, если на то пошло, Дед Мороз – тоже миф, – примирительно говорит Макс. – Простой такой миф для самых маленьких. Но все-таки.

На том и сошлись. Триша, впрочем, так толком и не поняла ничего ни про этого деда, ни, тем более, про мифы, но – ладно. Потому что не до того уже. Дверная ручка неспешно плывет вниз и – оп-ля! Обещанный гость на пороге. Явился наконец.

Высоченный такой серьезный дяденька, в белом плаще с голубым кантом; кажется, очень красивый. Ну, то есть, Трише он нравится. Так, что дух захватывает. Даже непонятно, что следует делать в таких случаях. Об ногу-то теперь особо не потрешься, не помурлычишь. Иногда все-таки очень трудно быть человеком, особенно если есть с чем сравнивать.

Новому гостю понадобилась доля секунды, чтобы оглядеться и оценить ситуацию. Покончив с этим, он уставился на Макса. И вот его-то целую минуту рассматривал, не меньше, дал себе волю. Триша даже как-то засомневалась – а вдруг она что-то очень важное не углядела? И тоже принялась тарачиться, за компанию с незнакомцем. Исподтишка, конечно.

Макс тем временем во все глаза пялился на гостя. Вид при этом имел самый что ни на есть озадаченный. Можно подумать, пришел не тот, кого он ждал. Или тот, просто выглядит иначе? Но что-то не так, это Трише сразу стало ясно.

– С каких это пор ты носишь одежду Ордена Семилестника? – наконец спрашивает Макс.

– С недавних, – флегматично отвечает гость. – С третьего дня сто двадцать третьего года Эпохи Кодекса. То есть два года и двести четыре дня, если тебе требуется точный ответ, в чем я, по правде сказать, сомневаюсь.

– Когда ты мне снился, ты ни разу не заикнулся...

– Когда **ты** снился **мне**, у нас были куда более интересные темы для бесед, чем мои служебные дела.

– Да, но...

Теперь и Меламори с открытым ртом глядит на обоих. Глаза у нее сейчас огромные и совершенно круглые, как только на лице умещаются. Вот это удивилась, так удивилась!

– Встретить тебя здесь – приятный сюрприз, – говорит ей гость. – Впрочем, я предвидел такое развитие событий; более того, я на него надеялся. Может быть, ты любезно представишь меня присутствующим и объяснишь, где мы все находимся, и что тут происходит? От Макса толку мало, он теперь мою одежду будет разглядывать и причитать до самого утра.

– Я, пожалуй, тоже буду причитать, если ты не против, – вздыхает Меламори. – Вы, значит, друг другу снились всюю, пока я с ума сходила. Ничего себе новости! Хоть бы намекнул, что с Максом все в полном порядке. Также мне, лучший друг и практически старший брат!

– Некоторые тайны сами себя стерегут, знаешь ли. И захочешь – не расскажешь.

– Твоя правда, – неохотно соглашается Меламори. – Бывает, что нельзя разболтать. А намекнуть все-таки мог. Я понятливая.

Некоторое время эти трое молча разглядывают друг друга, словно бы прикидывают, что более уместно на данном этапе переговоров: братские объятия или показательная порка. Триша знает, так бывает с людьми, когда они узнают слишком много новостей сразу. Она не очень понимает, почему бы не плюнуть на все и не разрешить себе просто радоваться. Но даже самым необыкновенным людям в этом смысле гораздо труднее, чем обычным кошкам. Бедные они, вот что.

Франк тем временем помалкивает и всюду наслаждается ситуацией. Еще бы, когда люди выбиты из колеи, про них сразу все самое главное понятно. Ужасно интересно, действительно.

– Так и будем молчать? – наконец снисходительно спрашивает гость. – Хоть бы из вежливости ответили на мои вопросы. А потом я с неизъяснимым наслаждением позволю вам обоим подвергнуть меня пыткам, если это так уж необходимо. Но сперва я бы все-таки очень хотел узнать, что именно со мной происходит. Понимание ситуации помогает упорядочить процесс мышления.

– Процесс у него, видите ли, – ворчит Макс. – Что происходит, что происходит... Не притворяйся, будто не понимаешь. Я же говорил тебе, что однажды ты начнешь путешествовать между Мирами не только во сне, но и наяву – не от случая к случаю, а по собственному желанию, хоть трижды в день после еды, помнишь? Ну вот, считай, начинается понемногу, с чем тебя и поздравляю. Здравствуй, дружище. Вижу тебя – не как, а действительно наяву, подумать только!

– Наконец-то. С этого обычно и начинают разговор воспитанные люди.

Гость говорит очень строго, но в уголках его рта притаилась улыбка, а глаза сияют как фонари. И не очень понятно, зачем нужно вести себя так сдержанно среди своих. Но ему, конечно, виднее.

– Вы оба как хотите, а я буду сердиться еще... м-м-м... пять, нет, даже десять минут, – объявляет Меламори.

– Семь с половиной, – предлагает Макс.

– Нет уж. Сказала десять, значит десять. Ненавижу компромиссы. Засеките время кто-нибудь.

Гость кивает.

– Хорошо. Я непременно скажу тебе, когда ты перестанешь сердиться. Макс, пока Меламори занята, ты мог бы наконец познакомить меня с присутствующими. Репутация невежи мне не к лицу.

– Не беспокойся, дружище, главный невежа всех времен – это у нас я, один такой во Вселенной, – ухмыляется Макс.

Но все же берется за ум, объявляет присутствующим, что они имеют счастье лицезреть прекрасный и ужасающий лик самого сэра Шурфа Лонли-Локли, который, конечно, вырядился как черт знает что и не желает объяснять, с какой стати, ну да ладно, дело хозяйское. Называет гостью имена Франка и Триши, рассказывает о них обоих какую-то невнятную, но прекрасную чепуху, говорит, говорит, говорит, слова из себя выдувает, как мыльные пузыри, пока дыхания хватает, тараторит так, что никому ни черта не понятно, зато всем весело и интересно. Даже Меламори с превеликим трудом выполняет свое обещание оставаться сердитой, но все же как-то справляется пока, держит слово, молодец.

– А вы правда убиваете тех, кто любит вас без должного почтения? – вдруг спрашивает Триша.

И тут же начинает оглядываться по сторонам: куда бы спрятаться? Под барную стойку, что ли, залезть и сидеть там до самого утра? Не от страха, конечно, от смущения. Убивать ее в любом случае уже поздно, она сейчас совершенно самостоятельно сгорит от стыда – и кто ее за язык тянул максовы слова повторять? Ясно же, что это он вчера так шутил... Что вообще происходит? Прежде она никогда глупостей не говорила, тем более – незнакомым людям при первой же встрече.

– Нет, конечно. А с чего вы взяли? – очень серьезно спрашивает гость.

Триша окончательно смешалась, так что вообще все слова позабыла, только и может, что подбородком указать на Макса. Дескать, от него сведения.

– А, ну так сэр Макс вечно про меня всякую ерунду выдумывает. Иногда мне кажется, что именно в этом он видит свою великую миссию, а все прочее совершает походя, между делом, – обстоятельно объясняет гость. И, подумав, добавляет: – Впрочем, иногда он все-таки рассказывает обо мне правду. Ту часть правды, которая кажется ему достаточно эффективной.

– Я всегда рассказываю о тебе правду и только правду. Другое дело, что не всю, – очень серьезно говорит Макс. – Не забывай, уж я-то тебя знаю.

– Пожалуй, знаешь, – так же серьезно соглашается гость, которого зовут сэр Шурф Лонли-Локли.

«Надо бы хорошенько запомнить и не перепутать, – думает Триша. – Все же куда проще иметь только одно имя, не зря здесь, в Городе все быстро отказываются от своих длинных, сложных фамилий. Не то чтобы это обязательно, но как-то само собой складывается. И правильно».

– Вам, как я понимаю, многое нужно обсудить, – говорит тем временем Франк. – Так и быть, отступим от традиции. Первая порция угощения за счет заведения, как-нибудь не разоримся. Мы с Тришей умеем ждать.

– Это очень похвальное качество, – отвечает гость. – Благодарю вас. Что касается меня, я бы с радостью следовал всем традициям этого места, но сэр Макс вряд ли станет считаться с моими желаниями. Это не в его привычках.

– Совершенно верно, не в моих. Узнаешь напиток? – подмигивает ему Макс, протягивая чашку кофе. – Между прочим, именно в этом городе ты его впервые попробовал³. Только мы с тобой гуляли по новорожденной реальности, а теперь, гляди-ка, совсем настоящий город, тверденький, плотный, густонаселенный, живет своим умом, до меня ему больше дела нет – и правильно. Мир не должен цепляться за полы своего создателя, обоим это не на пользу.

– Тебе виднее, – флегматично соглашается гость. – В делах такого рода я тебе не советчик, сам знаешь.

– Зато во всех остальных – очень даже советчик, – смеется Макс. – Несмотря на твою идиотскую Орденскую униформу. Ты бы все-таки объяснил, как тебя угораздило.

– А тут и объяснять нечего... Леди Меламори, имей в виду, что десять минут уже прошло. Можешь прекращать на нас сердиться, я же вижу, что тебе уже надоело. Кстати, я был совершенно уверен, что ты расскажешь Максусу обо всем, что у нас делается. Ты же всегда любила сплетничать. Не узнаю тебя.

– Знаешь, мне как-то не до того было, – неохотно говорит Меламори.

Наверное трудно вот так взять, да и прекратить сердиться по команде, даже если сама заранее решила. Но она честно старается, молодец.

– Я как контуженная была, да и до сих пор, собственно, не в себе, – помолчав, объясняет она. – И не столько от радости – хотя и это тоже – сколько от воздуха иного Мира. Я же никогда раньше не путешествовала между Мирами. И не очень верила, что у меня получится. Если бы там, куда я попала, не было Макса, я бы с ума сошла в первую же минуту, а так ничего, держалась как-то. Здесь-то полегче дышится, а что все на сон похоже, так даже и хорошо, мне же проще. А там, где я его нашла... Ох, это такое странное место, Шурф! Очень неудобное и недоброе. И для магии нашей не слишком подходит, зато для Истинной – в самый раз. Удивительно, что тамошние обитатели совсем не искушены в Истинной Магии, потому что сила разлита там повсюду, из-под каждого камня сочится, а они не замечают почему-то и не пользуются... Трудно объяснить, я и сама еще толком не разобралась. Макс меня оттуда через пару дней сюда уволок. И правильно сделал, спасибо ему за это.

³ Макс намекает на обстоятельства, описанные в повести «Путешествие в Кеттари».

– Очень интересно, – говорит гость, и глаза его снова вспыхивают, хотя лицо остается бесстрастным.

Триша видит, он бы все на свете отдал, чтобы увидеть Мир, о котором ему рассказывают. Доброе там место, или недоброе, ему плевать. Джусуффин вчера говорил, дескать, Шурфа Лонли-Локли больше всего на свете интересуют новые знания, но Триша даже вообразить не могла, что настолько. Это уже не «интерес» какой-нибудь, а настоящая страсть. Вот какие, оказывается, бывают люди.

– Так что мне было не до сплетен, – заключает Меламори. – Оно и хорошо, теперь ты сам все Макс объяснишь. Я же подробностей не знаю, только догадываюсь кое о чем.

– Сейчас, – угрожающим тоном говорит Макс, – сердиться буду я. И не десять минут, а десять часов кряду. И кофе отберу – у обоих! И... Словом, придумаю что-нибудь. Какую-нибудь неслыханно страшную кару.

– Любопытно было бы поглядеть, – ухмыляется Франк, подвигая ему блюдо с печеньем из сладких речных водорослей.

– Да ну. Разве что послушать, – смеется Макс. – Я только на угрозы скор, не на расправу. Но все же каковы мерзавцы эти двое! Знают, что любопытство мое слабое место, и тянут жилы. Сэр Шурф, надо думать, в воспитательных целях, а Меламори – просто так, за компанию.

– Вольно же тебе иметь слабые места, – невозмутимо парирует Лонли-Локли. – Ладно, ладно, не вращай глазами и не делай вид, будто сейчас грохнешься в обморок, я же знаю, что на самом деле тебе и самому нравится тянуть паузу. Вот и подыгрываю по мере сил, чего не сделаешь для лучшего друга... На самом-то деле история выеденного яйца не стоит. Как ты знаешь, после кончины, вернее отъезда в Харумбу Нуфлина Мони Маха Орден Семиллистника несколько лет оставался без Великого Магистра. Леди Сотофа Ханемер дюжину раз кряду наотрез отказалась занять этот пост, так что даже сэр Джусуффин вынужден был сдаться. А поскольку пришло время переписывать Кодекс Хрембера и тянуть дальше было невозможно, сэр Джусуффин попросил меня временно возглавить эту организацию. Он твердо пообещал, что непременно подыщет мне замену, максимум через три дюжины лет, и тогда я буду навсегда свободен от любых обязательств – перед Орденом, Соединенным Королевством и перед ним лично. А слову господина Почтеннейшего Начальника можно верить, по крайней мере, в некоторых случаях. Поскольку ты сам передал в распоряжение Джусуффина инструкцию для нового Великого Магистра, проблем с моим назначением не возникло, хотя многие заинтересованные лица, конечно, до сих пор от потрясения оправиться не могут. Как видишь, ничего интересного, вполне рядовая интрига.

– Погоди-ка. Так ты теперь Великий Магистр Ордена Семиллистника? – изумленно говорит Макс. – И вы переписываете Кодекс Хрембера? И это у нас теперь называется «ничего интересного»? Ты меня убиваешь, сэр Шурф. Натурально убиваешь.

Но вместо того, чтобы умереть, он принимается хохотать, да так заразительно, что Триша тоже не может сдержать улыбку, хотя совершенно ничего не понимает в этих их разговорах и новостях.

– И так всегда, – печально резюмирует гость, обращаясь, по большей части к Франку. – Я говорю с ним о серьезных вещах, а он хохочет, вечная история. Что тут будешь делать?

– Хороший вопрос. Особенно если учесть, что убивать меня ты уже пробовал, и ни хрена не вышло⁴, – сквозь смех говорит Макс.

– Ну вот, снова тебя невесть куда занесло, – сэр Шурф Лонли-Локли укоризненно качает головой.

⁴ Макс имеет в виду прискорбное недоразумение, описанное в повести «Тень Гугимагона».

Франк и Меламори улыбаются до ушей, наблюдая за обоими, а Триша не знает, что и думать. Она же видит, что им показывают не настоящий спор, а представление, каждый участник которого хорошо знает и очень любит свою роль. Что скрывается за этим представлением, Триша не понимает, но чувствует присутствие тайны. Причем такой, что будь она по-прежнему настоящей кошкой, у нее шерсть на загривке дыбом стояла бы. Да и сейчас искорки электрические в волосах потрескивают от опасной близости неизвестно чего. Но Трише даже нравится. Пожалуй. Скорее да, чем нет, словом, хоть и трудно вот так сразу определиться.

– Почему тебя в Семилистник Великим Магистром сослали, я более-менее понимаю. Шутка из ряда вон, как раз во вкусе Джуффина. А Кодекс-то на хрена переписывать? – отсмеявшись, спрашивает Макс. – Что не так с Кодексом Хрембера?

– Почти все не так. Обстоятельства изменились, Мир большие не стоит на грани гибели, это тебе известно лучше чем кому бы то ни было. Соответственно, необходимости воздерживаться от колдовства в Сердце Мира теперь нет. С другой стороны, взять да и отменить Кодекс Хрембера было бы неправильно: помимо запретов на Очевидную магию там содержится немало здравых идей и полезных законов. Поэтому пришлось подвергнуть его основательной перделке. Как я понимаю, сэр Джуффин остановился на моей кандидатуре именно потому, что я всегда легко управлялся с бумагами. Хотя насчет шутки ты тоже по-своему прав. Разумеется, господин Почтеннейший Начальник полагает мое назначение чрезвычайно забавным событием. Да оно и является таковым – для тех, кто хорошо знает историю Смутных Времен и мою собственную биографию.

– Ну и дела, – восхищенно вздыхает Макс. – Как там у вас сейчас интересно, а мне нос в Ехо сунуть нельзя. Ну, ты уже знаешь, наверное, от моего взгляда там все тает.

– Знаю. И пока не понимаю причин этого удивительного феномена. Впрочем, это явно не та проблема, которую я могу решить.

– Это явно не та проблема, которую хоть кто-то может решить, – сердито говорит Макс. – Ладно, проехали. Меня и здесь неплохо кормят, еще и гостей звать разрешают – чем не жизнь?

Тут Лонли-Локли наконец вспоминает, что кроме Макса на свете есть еще и другие люди.

– Я очень благодарен вам за гостеприимство, – говорит он Франку и Трише. – Этот визит чрезвычайно много для меня значит. Я довольно опытный колдун, но в путешествиях между Мирами – почти новичок, так уж сложилась моя жизнь. Мое пребывание здесь – бесценный опыт.

– Ничего, у вас будет возможность расплатиться с нами за гостеприимство, – лукаво говорит Франк. – Но деньги и чудеса у нас не в цене, этого добра и так предостаточно. За наш кофе платят историями. Не сомневаюсь, вам есть что рассказать.

– Не повезло вам со мной. Я скверный рассказчик, – гость печально качает головой.

– Скверных рассказчиков не бывает, – рассудительно замечает Франк. – Изредка встречаются люди, которым не о чем рассказывать, поскольку их память не способна хранить по-настоящему интересные события, без которых, насколько мне известно, не обходится ни одна человеческая жизнь. Но это, как я понимаю, не ваш случай.

– Разумеется, нет. Другое дело, что мне довольно долго пришлось носить маску крайне сдержанного и немногословного человека. Я и сейчас редко с ней расстаюсь, поскольку для дела она очень удобна, а моя нынешняя жизнь почти целиком подчинена делам. Однако в данном случае проблема решается просто. Я пришел к вам не по собственной инициативе, а по приглашению присутствующего здесь сэра Макса. Думаю, будет справедливо, если он расплатится за меня. Собственно говоря, так даже принято. Если уж приглашаешь человека в трактир, подразумевается, что ты возьмешь расходы на себя.

– Ну ничего себе! – изумленно говорит Макс. – Такого я от тебя не ожидал. Хотя, казалось бы, знаю, с кем имею дело... Вот именно, что «казалось бы»!

– Ну, если расходы тебе не по карману, я вполне могу поужинать дома, – надменно говорит гость.

Несколько секунд они молча глядят друг на друга, а потом вдруг начинают хохотать – оба. Меламори потрясено молчит, уставившись на Лонли-Локли.

– Впервые вижу, как ты смеешься, – наконец говорит она.

– Это потому что ты никогда не бывала с ним на Темной Стороне, – объясняет Макс. – И между Мирами вы вместе не путешествовали. И во сне ты этого типа, надо понимать, не видела. То еще удовольствие, знаешь ли.

– До сих пор тебе нравилось, – сквозь смех говорит гость.

– Мне? Ну да, мне нравилось. Так то я, известный оригинал. Псих ненормальный, прощай говоря.

Услышав про сны, Меламори опять хмурится. Вспомнила, почему сердилась в начале вечера. Снились друг другу, а ей – ни слова. Триша знает, так все девочки обижаются, если братья не зовут их играть. Она-то никогда не была маленькой девочкой, и братья у нее были не мальчиками, а котятами, давным-давно, теперь уж кажется, что и вовсе никогда. Но теоретически она очень хорошо понимает, как может быть обидно, если братья играть не позвали. Бедная Меламори.

– Когда я убежал из Тихого Города и остался абсолютно один – мало того, что без всех вас, так еще и без тамошних приятелей, вообще без единой родной души – в Мире, который казался мне каторжной тюрьмой строжайшего режима, я не свихнулся от тоски вовсе не потому, что такой уж великий герой, – говорит ей Макс. – Этот невыносимый тип, сэр Шурф Лонли-Локли, в очередной раз спас мою никчемную бабку. Принялся мне сниться в самый нужный момент. Причем это были не дурацкие пустые сны о старом друге, а вполне реальные события – как, скажем, эта наша сегодняшняя вечеринка. Ну, почти как. Он говорил, что сам не знает, как это у него получается. И я не знаю как. Зато, наверное, догадываюсь, почему. В конце концов, когда-то он гулял по моим сновидениям и сопровождал меня на Изнанку Темной Стороны. И еще была одна история, длинная и запутанная, ее надо бы рассказывать отдельно... Я, конечно, просил его передать тебе привет, объяснить, что со мной все в порядке – ну, насколько это вообще возможно. А он отказался наотрез. Сказал, что читал какие-то древние тексты о сновидениях, где были описаны похожие случаи. Дескать, когда сновидец начинает пересказывать другим людям открывшиеся ему тайны, тонкая связь с иной реальностью рвется под тяжестью не то слов, не то чужих сомнений – а вдруг все выдумал, или хоть что-то для красоты присочинил? – и привет, прощайте дивные видения. Я же первый взвыл, что лучше не рисковать. Перспектива снова остаться в полном одиночестве приводила меня в ужас. Не так уж я крепок духом, как кажется, в любой момент мог бы сломаться.

– Это не совсем так, – говорит Лонли-Локли. – Кого ты хочешь провести? Себя? Ты гораздо сильнее, чем тебе самому удобно думать. И без меня справился бы, не сомневаюсь. Но оставлять тебя одного мне, конечно, не хотелось.

– Чего тебе действительно не хотелось, так это потерять блестящую возможность получить новый опыт и побольше узнать о природе некоторых сновидений, – ухмыляется Макс. – Кого ты хочешь провести? Себя?

Дразнится. Триша снова, как нынче днем, думает о людях, которые для забавы заводят котят. Надо признать, они с Франком куда лучше устроились. Гости в сто раз интересней!

– Ладно, – вздыхает Меламори. – Попробую поверить, что сэр Шурф молчал не в воспитательных целях, а ради собственной выгоды. Это я, пожалуй, еще готова простить. Тем более что мое отчаяние в конечном итоге действительно привело к отменному резуль-

тату. Все мы сидим в этом чудесном трактире, на границе между жизнью и мифом, и сейчас нам подадут кофе, расплачиваться за который будет кто угодно, но только не я. И это восхитительно.

– По крайней мере, я каждый день твердил, что тебе следует уделять как можно больше внимания свидениям, – говорит ей Лонли-Локли. – В сочетании с опытом, который ты получила, обучаясь у буривухов Арвароха, мои советы привели тебя к цели. И сейчас, оглядываясь назад, ты наверняка признаешь, что цена была высока, но непомерной ее назвать нельзя.

– Можно, – печально улыбается Меламори. – Еще как можно. Но я не стану с тобой спорить, потому что ты всегда оказываешься прав, и это само по себе настолько ужасно, что все остальное – сущие пустяки.

После этих ее слов за столом воцарилась такая идиллия, что Триша чуть не забыла вынуть из духовки пирог с козым сыром и садовыми сливами, но в последний момент спохватилась, и пирог выжил.

– Ладно уж, – улыбнулся Макс. – В сущности ты совершенно прав, дружище. Я тебя пригласил, мне и платить за ужин, это справедливо. К тому же, когда это я отказывался языком поработать? Но учти, я воспользуюсь случаем и попробую рассказать о том, почему мы...

Он умолк на полуслове, пристально поглядел на Лонли-Локли, тот понимающе кивнул.

– Как ты гонялся за Магистром Хаббой Хэном? А что, расскажи, действительно. Мне и самому любопытно послушать, как все это выглядело с твоей точки зрения.

– Что ж, если вы договорились, я пошел за часами, – говорит Франк. – Триша, пирог у тебя каким-то чудом не сгорел, вижу, а как насчет кофе? Не сбежит?

– Ой! – и она несетя к плите.

– Напрасно ты так спешишь, – говорит ей Макс. – Ничего с кофе не сделается. В присутствии сэра Шурфа все кроме меня ведут себя прилично, даже забытые на огне пироги и напитки.

Лонли-Локли укоризненно качает головой и встает, чтобы помочь Трише принести и расставить на столе посуду.

– А я предупреждал, сэр Макс только тем и озабочен, чтобы как можно больше всякой красивой ерунды обо мне выдумать, – говорит он. – Не стоит ему верить.

Однако Триша совсем не уверена, что это была выдумка. Пирог-то действительно не сгорел, даже не пересох, хотя она совсем о нем позабыла. И кофе не сбежал, а ведь полчаса на плите стоял, не меньше. Так что...

Франк тем временем ставит на стол песочные часы.

– Можно начинать, – объявляет он. – Теперь нас никто не потревожит.

– Другое время? – понимающе спрашивает гость.

Франк, страшно довольный, что избавлен от необходимости все объяснять, кивает, а Триша опять диву дается. Прежде этим часам все гости так изумлялись, а теперь, гляди-ка, кто ни придет, всем все сразу понятно. Ну и дела!

Макс получает большую порцию пирога, и первая чашка кофе тоже ему – авансом. Отдав должное и тому, и другому, он наконец начинает рассказывать.

Неуловимый Хабба Хэн

История, рассказанная сэром Максом из Ехо

Эту историю я до сих пор не рассказывал никому, по крайней мере, целиком; даже заинтересованные лица знают лишь те ее эпизоды, в которых принимали участие. И не потому что

все это такая уж великая тайна, тайну-то выболтать для меня – пара пустяков, дело житейское. Просто я не очень люблю вспоминать тот период своей жизни. А когда я говорю «не очень люблю», это обычно значит – «ненавижу». Вот именно тот случай.

С точки зрения стороннего наблюдателя, дела мои в ту пору обстояли превосходно – впрочем, как всегда или почти как всегда. Если бы кому-нибудь пришло в голову убить меня – не из корысти, не ради правого дела или, напротив, торжества мирового зла, а просто так, от непереносимой зависти, чтобы сердце свое исстрадавшееся успокоить, – я бы совершенно не удивился. Более того, я бы и сам с превеликим удовольствием придушил гада – не себя, любимого, конечно, а героя городских сплетен и приятельских пересудов, этого благополучного удачливого засранца, сэра Макса, с утра до ночи хрупающего мои пряники, пока я, стиснув зубы, отсчитываю удары предназначенного ему кнута. Ну, понятно, да?

Речь, впрочем, не о том.

Объяснить, что со мной творилось в те дни, непросто. Но я попробую.

Начать, вероятно, следует с того, что несколько лет я прожил с невидимым волшебным мечом в груди⁵. Согласно легенде, меч когда-то принадлежал знаменитому королю древности Мёнину; его собственная Тень любезно всадила мне в сердце сие мистическое оружие, объяснив, что отныне меч будет оберегать меня от смерти, простуды и прочих мелких неприятностей. Он, собственно, и оберегал – не от всех, но действительно от многих опасностей. Впрочем, время от времени меч проявлял характер и заставлял меня проделывать совершенно невысказанные поступки, одно только истребление несчастных пьянчужек-эльфов из Шимурэдского леса⁶ чего стоило. Но, хвала Магистрам, подобные недоразумения случались не очень часто, так что я был вполне доволен нашим сосуществованием. Ну, скажем так, быстро к нему привык. Выбора-то у меня все равно не было.

Все шло просто замечательно, пока в один прекрасный день меня не отрядили сопровождать бывшего Великого Магистра Ордена Семилестника Нуфлина Мони Маха в Уандук, в город мертвых Харумбу⁷. Для старика это был единственный шанс продолжить привычное существование после смерти. Особенно после того, как ему не удалось завладеть по дороге моим телом. Великий Магистр, надо отдать ему должное, очень старался, и его труды изрядно испортили мне путешествие. До сих пор вспоминаю – вздрагиваю.

Этим дорожные неприятности не ограничились. В финале мне пришлось спасти своего вероломного спутника от его старинного врага, Великого Магистра Хонны из Ордена Потаенной Травы. Поскольку сражаться с этим могущественным существом было совершенно бессмысленно, я с ним сторговался. Обменял шкуру старика Мони Маха на меч Короля Мёнина, и, надо сказать, был совершенно счастлив, хоть и понимал, что страшно продешевил. Но коммерсант я тот еще, известное дело, так что могло быть и хуже.

Все закончилось, можно сказать, хорошо. Магистр Нуфлин обрел стол и кров в городе мертвых, среди нескольких тысяч других таких же условно бессмертных пенсионеров, как он сам. Прислал мне поутру записку, где вкратце описал сладкую жизнь в Харумбе и заодно назначил меня своим наследником, вернее, подробно проинструктировал, как должен вести себя кандидат в новые Великие Магистры Ордена Семилестника, чтобы добиться положительного результата. Я пожал плечами, вернулся домой, отдал бесценную записку Джуффину, позубоскалил, сочиняя самый абсурдный в мире список возможных преемников Нуфлина, да и выкинул из головы всю эту историю. Все же не самое приятное приключение в моей жизни, да и не самое увлекательное – так мне тогда казалось.

⁵ Эти обстоятельства подробно описаны в повести «Дорот, повелитель Манухов».

⁶ И эти обстоятельства описаны в повести «Дорот, повелитель Манухов», хотя куда менее подробно, чем хотелось бы.

⁷ Об этом путешествии подробно рассказано в повести «Белые камни Харумбы».

К тому же настоящее всегда занимало меня куда больше, чем прошлое. Воспоминания хороши, когда у тебя ничего кроме них не осталось, ну или вот как сейчас, когда нужно развлекать байками теплую компанию, взимая плату за болтовню улыбками да имбирным печеньем. А в ту пору мне, мягко говоря, было чем заняться на досуге, зато самого досуга почти вовсе не выпадало. Прекрасная жизнь.

На фоне столь идиллического существования особенно удивительным казался тот факт, что характер мой начал стремительно портиться. Вообще-то я и так – не подарок, но окружающим обычно кажусь на удивление милым и покладистым человеком. Договориться со мной, как правило, проще простого – потому, что вещей, которые действительно имеют для меня значение, не слишком много. А из-за пустяков бессмысленных заводиться – нашли дурака!

Поэтому в Ехо я быстро приобрел репутацию человека с феноменально легким характером. Она, чего греха таить, была мне чертовски приятна, как всякая незаслуженная слава.

Но после возвращения из Уандука меня словно подменили. На следующий же день я рывкнул на сэра Кофу, который имел слабость, заявившись в Дом у Моста, усаживаться в мое любимое кресло. Ясное дело, кресло было «любимым» очень условно; возможно, я и полюбил-то его только для того, чтобы доставить удовольствие Кофе, превратить всякий его визит на службу в маленькое шоу. Необъявленная повседневная война за кресло и очередная сокрушительная победа над нерасторопным мной изрядно тонизировали нашего Мастера Слышащего.

Но тут мне вдруг вожжа под хвост попала. Дескать, это мое, мое, мое кресло, пора бы уже всем это уяснить и запомнить, а если умственные способности тому препятствуют, записать и плакат на стенку повесить. Кофа, кажется, решил, что это я так неуклюже шучу, Джуффин уставился на меня с неподдельным интересом, а присутствующий здесь сэр Лонли-Локли потом полчаса читал мне лекцию о пользе внутреннего спокойствия. Хорошо хоть за уши не отгаскал – к тому явно шло.

Добро бы этим ограничилось. Но тем же вечером я всерьез повздорил с леди Меламори, которой пришла охота в полном одиночестве гонять на амобилере по загородным дорогам вместо того, чтобы сидеть на коврике в гостиной, преданно глядеть мне в глаза и всеми доступными способами выражать радость по поводу моего возвращения. Она, кажется, не столько рассердилась, сколько удивилась: на ее памяти я делал немало глупостей, но скучным самодовольным тираном не был никогда. Полчаса спустя я, конечно, опомнился, послал ей зов, покаялся и получил прощение. Вечер завершился – лучше не бывает, но я еще долго дивился собственной выходке.

«Долго» – это значит до следующего полудня, или около того. Честно говоря, я не посмотрел на часы перед тем, как поднял руку на друга своего сэра Мелифаро. Вернее, не руку, а ногу. Наподдал ему под зад коленкой – жест мог бы сойти за шутку, если бы я не вложил в пинок так много силы и страсти. По большому счету, сэр Мелифаро получил по заслугам, потому что близким друзьям, конечно, позволено издеваться надо мной, как им заблагорассудится, но только при условии, что их насмешки будут остроумны и, самое главное, разнообразны. А назвать меня «тайным внуком покойного Магистра Нуфлина» дюжину раз кряду – за это и убить не грех, я даже сейчас так думаю. И все же на глупые шутки пинками отвечать – такого за мной отродясь не водилось. И хвала Магистрам.

Сказать, что Мелифаро удивился, было бы изрядным преуменьшением. Он не стал затевать драку, в которой, несомненно, вышел бы победителем, а лишь наградил меня укоризненным взором, слегка наморщил нос – как я понимаю, принялся, чтобы проверить, не пахнет ли безумием – пожал плечами и ушел. Пришлось его ловить и извиняться. Опять же, не сразу, а полчаса спустя, когда я остыл и пришел в ужас от собственной дурости. Мелифаро принял извинения и великодушно согласился продолжить издевательства над моей персоной,

но еще пару дней обходил меня стороной. Щадил – не то мои расшатанные нервы, не то собственную задницу.

Но его тактичное поведение ничего не изменило. Я то и дело срывался. И, надо сказать, мелкие ссоры с окружающими были сущей ерундой на фоне прочих проблем. Настроение мое, обычно вполне лучезарное даже в тяжелые времена, как-то незаметно стало стабильно скверным. Я скрывал это как мог, но результат, честно говоря, не впечатлял. В придачу меня вдруг принялась терзать совершенно нелепая, беспричинная тревога. Все время казалось, что сейчас, вот-вот, буквально через пять минут, начнутся какие-нибудь невероятно гнусные неприятности. Какие именно – о, тут мое воображение услужливо рисовало дивные картины. Особенно популярны были две темы: конец света и внезапный отъезд леди Меламори в далекий Арварох. Кстати, удивительно, что она действительно не сбежала от меня на край земли. Я бы и сам от себя с радостью сбежал, с одной зубной щеткой и сменой белья за пазухой, но сей трюк был неосуществим по техническим причинам.

Однажды, примерно дюжину дней спустя после возвращения из Уандука, я заступил на ночное дежурство. Сидел в Зале Общей Работы, пил камру, читал позавчерашний выпуск «Суеты Ехо» и вдруг обнаружил, что мне – ну вот не то чтобы по-настоящему страшно здесь одному – но все же здорово не по себе. Неуютно и беспокойно. И темнота в дальнем углу какая-то очень уж подозрительная. Да нет же, там действительно что-то шевелится. И... Ох.

Когда я осознал, что действительно боюсь сидеть тут один, а о том, чтобы выйти в темный коридор опустевшего Дома у Моста и речи быть не может, я сдался. Послал зов Джуффину, вкратце пересказал, что со мной творится, и не попросил даже, а потребовал помощи.

«Хочешь, чтобы я приехал, посидел с тобой в страшном, пустом, темном Управлении Полного Порядка? – обрадовался шеф. – Хорошая идея. По крайней мере, смешная. Ладно, жди».

Зная шефа, я поверить не мог в такое ангельское великодушие. Я-то привык, что он заботится исключительно о том, чтобы отыскать побольше опасных приключений на мою задницу и поглядеть, как я буду выкручиваться. Старые добрые времена, когда сэр Джуффин Халли был готов возиться со мной, как с любимым внуком-дошкольником, давно миновали. Считалось, что я уже такой взрослый и могущественный, хоть плачь. И тут вдруг, гляди-ка. С ума сойти.

– Только без паники. С ума сходить – дело житейское, со всеми случается, – добродушно заметил Джуффин, появляясь на пороге кабинета.

Подслушал, значит, мой дурацкий внутренний монолог. Обычное дело. Но мне, как всегда, стало немного неловко.

– Безумием от меня, надеюсь, не пахнет? – угрюмо спросил я, водружая на жаровню кувшин с камрой. – Или пора вызывать санитаров?

– Обойдешься, – отмахнулся шеф. – Санитаров ему, видите ли, подавай... Не того ты полета птица, чтобы на чужую помощь рассчитывать. Сам, все сам. Ну, разве что, я могу подсказать – советом, не более того.

– Понятно, – вздохнул я. – Все как всегда. Ну, хоть объясните, что со мной происходит?

– Нет, сперва ты объясни мне, что с тобой происходит, – возразил Джуффин. – Я-то и сам вижу, но мне нужно, чтобы ты четко сформулировал. Для себя – в первую очередь. Ясное понимание проблемы – половина успеха, ты же знаешь.

– Ну вот вам четкая формулировка: я стал неуравновешенным, угрюмым, трусливым идиотом. И, самое главное, непонятно, с чего бы? Когда меня от Книги Огненных Страниц скрутило⁸, так хоть причина была уважительная. Страшное древнее колдовство, мало кому

⁸ Печальные события, связанные с Книгой Огненных Страниц, описаны в одноименной повести.

выжить после такого удавалось, так что просто рехнуться – дело простительное. Но сейчас-то, сейчас...

– Не понимаешь, с чего бы? – ухмыльнулся Джуффин. – Вот это да! Причину-то понять проще простого. Где твоя светлая голова? Чего-чего, а ума меч Короля Мёнина тебе не прибавлял, так что давай, работай, соображай.

– Меч Короля Мёнина? – изумился я. – Хотите сказать, это я без него бешусь? Но он же просто охранял меня от опасностей, а не... Или это была смирительная рубашка?

– погоди, не тараторь, – остановил меня шеф. – Дай усталому старику спокойно выпить камры прежде, чем я захлебнусь в твоём монологе. Последнее желание приговоренного, ну?

На мой вкус, Джуффин как-то не в меру разошелся. Не то чтобы я всерьез ждал от него сочувствия и сострадания, просто не мог понять, с чего это он так веселится. Добро бы что-то интересное со мной случилось. А то ведь просто характер испортился, все как у людей. Или все-таки нет?

– Важно, чтобы ты понимал вот что: у тебя вовсе не испортился характер. И не надейся.

Шеф, как всегда, видел меня насквозь. Вот уж действительно, стоило просить меня помолчать, чтобы немедленно заняться чтением мыслей, куда более сумбурных, чем устная речь. Нечего сказать, логичный и разумный поступок!

– Ты именно такой и есть, с детства, – невозмутимо продолжил Джуффин. – Ничего страшного, бывает и хуже, тебе еще повезло. Прежде ты неплохо справлялся – и с нервами, и со страхами, и с другими проблемами. Но в последнее время отвык. Все же меч Мёнина тебя изрядно избаловал, а теперь его нет, и придется начинать все сначала, бедный, бедный мальчик, – на этом месте шеф ухмыльнулся, как натуральный людоед в процессе личного знакомства с будущим ужином.

– И все-таки при чем тут этот грешный меч? – буркнул я, уже изрядно выведенный из равновесия всеми этими намеками.

Одно хорошо – я так рассердился, что темная тень в дальнем углу окончательно перестала меня тревожить. А о вероятной гибели Мира я и вовсе забыл. Такое вот несказанное вышло мне облегчение.

– А ты еще немножко подумай. Задавать вопросы имеет смысл только после того, как окончательно убедился, что сам ответ не найдешь. То есть очень, очень редко.

– Меч Короля Мёнина должен был беречь меня от смерти, – мрачно сказал я. – Так мне объяснила его Тень. Сказала, дескать, с этой штукой в груди я больше не буду «слишком живым» и, следовательно...

– Стоп! – Джуффин даже руку поднял, словно я не рассуждал, а бежал, и меня действительно требовалось остановить. – Вот тебе и ответ. «Слишком живым» – как по-твоему, что это значит?

– То есть тяжелый характер, скверное настроение и страх перед всем, что шевелится – это и есть проявления жизни?

– Совершенно верно, – обрадовался он. – «Это и есть проявления жизни», лучше и не скажешь. Умеешь ты все-таки формулировать, молодец.

– Ну, должен же я хоть что-то уметь... И как мне теперь справляться с этими грешными «проявлениями жизни»?

– Как раньше справлялся, – пожал плечами шеф. – Насколько я помню, когда ты только появился в Echo, ты держался молодцом. На людей не кидался – разве что изредка, да и то в основном на генерала Бубуту, а ему это только на пользу. И от страха в темной комнате не дрожал. Да что там темная комната, ты и на Темной Стороне в штаны не навалял, я тому свидетель. То есть, весьма вероятно, тебе было очень страшно, но ты успешно скрывал сей факт от окружающих. И, возможно, от самого себя. Ты умеешь держать себя в узде, когда требуется.

Вернее, умел. А теперь подзабыл нехитрое это искусство. Ничего страшного, вспомнишь. Куда ты денешься?

– Если бы я еще знал, с чего начинать, – вздохнул я. – А то ведь всех распугаю – кроме, разве что, вас. Вам, по крайней мере, все это кажется забавным.

– И не только мне, – ухмыльнулся Джуффин. – На Кофу тоже можешь рассчитывать. А начинать... Да, собственно, хоть бы и с дыхательных упражнений сэра Шурфа. Зря, что ли, он тратил на тебя свое драгоценное время, обучал всякой душевспасительной ерунде из древних книжек? Если ты подзабыл его науку, не сомневайся, Шурф с огромным удовольствием начнет все с нуля, еще и спасибо тебе скажет за такую уникальную возможность. Парня хлебом не корми, дай позанудствовать всласть. И это – одно из его величайших достоинств.

– Ладно. Завтра же пойду к нему на поклон. А до утра мне как дожить? – сердито спросил я. – Вот прямо сейчас, когда вы уйдете домой, а я останусь в этом грешном кабинете – что мне делать?

– Делай вид, будто у тебя все в полном порядке, – посоветовал Джуффин. – Ты удивишься, когда поймешь, насколько это эффективный метод. После того, как сумеешь обмануть сам себя, тебе вообще все на свете станет по плечу. Впрочем, ладно. Сегодня можешь просто отправляться домой, толку от тебя сейчас все равно немного. А завтра, как проснешься, начинай заниматься собой. Сразу же, не откладывая до вечера, ясно? Не хотелось бы отправлять тебя в бессрочный отпуск по причине полной непригодности к работе.

Тут я содрогнулся и понял, что о неведомых неприятностях можно больше не тревожиться. Теоретических рассуждений шефа насчет бессрочного отпуска было вполне достаточно, чтобы полчаса рыдать, биясь башкой о дверной косяк, а после грохнуться в продолжительный обморок. Но я устоял перед искушением.

Сей неприятный, в сущности, разговор, оказал на меня чрезвычайно благотворное воздействие. Следующие несколько дней своей жизни я посвятил почти исключительно дыхательным упражнениям; охотно взявшийся меня опекать сэр Шурф Лонли-Локли, впрочем, не питал особых иллюзий на мой счет. Говорил, дескать, знаю я тебя, ты за все берешься с энтузиазмом, которого хватает максимум на дюжину дней. А тут желательно хотя бы лет сорок над собой работать.

Он был совершенно прав, тем не менее, дюжины дней вполне хватило, чтобы вернуть на место мою съехавшую было крышу. На людей я больше не кидался – по крайней мере, на тех, кем действительно дорожил. Страхи все еще имели надо мной власть, но не бóльшую, чем в те времена, когда в моей груди покоился невидимый предохранитель. Ни действовать, ни даже спокойно спать они не мешали – вот и ладно. Мрачные мысли и скверные предчувствия приходили и уходили, раздосадованные моим невниманием – чего ж еще?

Настоящие неприятности начались в тот самый момент, когда я окончательно уверовал в свое исцеление. То есть делать дыхательные упражнения еще не перестал, но начал подумывать, что сэр Шурф, во-первых, зануда, во-вторых – исключительный зануда, а в-третьих, совершенно исключительный зануда. По крайней мере, он совершенно напрасно требует от меня столь полной самоотдачи. Получаса занятий в день вполне достаточно человеку, с которым все настолько в порядке. Ну и пропустить денек-другой – вовсе не такая большая трагедия, как кажется моему лучшему другу. У меня хватило ума не делиться с ним этими бесценными мыслями, но лишь потому, что я знал, с кем имею дело. Поглядит строго, вздохнет: «Ну я же говорил», – и пропишет мне три дополнительных занятия, дабы избавить от крамольных идей. Поэтому я благоразумно помалкивал.

Впрочем, результаты наших общих усилий действительно казались мне фантастическими. Люди и домашние животные от меня больше не шарахались, а шеф не заводил лирических разговоров о грядущем бессрочном отпуске. Мне снова нравилось в полном одиноче-

стве гулять по ночному городу, а пустой коридор Управления Полного Порядка казался самым уютным помещением в мире. Я даже на Темную сторону Ехо разок смотался – не по делу, а на досуге, ради собственного удовольствия, ну и проверить заодно, так ли все со мной хорошо, как кажется. Оказалось, даже лучше. Много лучше.

Тот, кто хоть немного повисел над пропастью, способен испытать настоящее блаженство от самой обычной прогулки по твердой земле – по крайней мере, поначалу. Вот я и блаженствовал несколько дней кряду, с утра до вечера. Вернее, с полудня до рассвета – от ночных дежурств меня, ясное дело, никто не освобождал. И хвала Магистрам.

Впрочем, мой смятенный разум не желал вот так просто утихомириваться и нашел лазейку. Ясно какую: снилась мне в те дни, по большей части, всякая пакость. Не настоящие кошмары – тут я бы сразу насторожился – а просто разная беспокойная чепуха. Драки, погони, пьяные Магистры, Смертные шары, бурные скандалы и стрельба – из рогаток бабум и пулеметов «Максим» попеременно. Меня такие сновидения даже забавляли, не хуже, чем приключенческое кино. Поводов для тревоги, казалось мне, не было, тем более что просыпался я на удивление свежий и бодрый, а вовсе не с тяжелой головой и ватными ногами, как можно было бы подумать. Словно бы драки да скандалы содержали какой-то таинственный витамин, позарез необходимый моему организму, и тот твердо вознамерился получать свою ежедневную дозу – не наяву, так во сне.

Однажды за обедом я поделился своими соображениями с Шурфом, и он, к моему величайшему удивлению, сразу со мной согласился.

– В тебе столько беспокойства и так мало дисциплины, что я удивляюсь, как ты до сих пор жив, при твоём-то могуществе, – сказал он. – По моим расчетам, тебе давным-давно пора бы взорваться, а это, мягко говоря, не в моих интересах. Вероятно, сумбурные сновидения действительно помогают тебе выпустить пар. Что ж, не так плохо – при условии, что это действительно пустые сны. Ты, кстати, в этом уверен?

– Совершенно! – искренне сказал я. – Сам посуди: вчера мне снилось, что за мной гоняется генерал Бубута, причем во сне он был моим родным братом, и мы повздорили из-за наследства. В конце концов я спрятался от него в «Джубатыкском фонтане»⁹, но вместо того, чтобы спокойно отсидеться, затеял ссору с хозяином, стал кричать, что его паршивой забегаловке нет места в таком прекрасном городе как Ехо, метнул Смертный Шар, причем не кончиками пальцев, как обычно, а просто из кармана вытащил пригоршню слипшихся леденцов и Смертных Шаров, вперемешку, и – бац! – спалил этот притон. Проснулся с чувством выполненного гражданского долга, между прочим. Если уж эта чушь не пустой сон, то... Ты чего так на меня смотришь?

– Для начала успокойся, пожалуйста.

Шурф говорил тихо и ласково, как санитар из Приюта Безумных. Я сразу почувствовал себя умирающим и было запаниковал. Потом устыдился, вдохнул, выдохнул и – не то чтобы действительно успокоился, но, по крайней мере, усидел на стуле, в обморок не грохнулся, не вскочил и не убежал прочь, хрипло выкрикивая древние заклинания.

– А теперь, – так же мягко продолжил мой друг и мучитель, – скажи мне пожалуйста, ты сегодня не читал утренний выпуск «Королевского Голоса»?

– Нет, не читал, – ласково, в тон ему отвечивал я. – Кроме того, сегодня я не читал «Суету Ехо», все восемь томов «Энциклопедии Мира», полное собрание сочинений поэтов эпохи Халы Махуна Мохнатого, «Маятник вечности», свод философских комментариев к Кодексу Хрембера, и это, поверь мне, далеко не полный список. Я могу составить для тебя

⁹ «Джубатыкский фонтан» – трактир на окраине Ехо. В центре заведения действительно бьет фонтан Джубатыкской пьяни. Всякий посетитель, заплативший за вход, может пить столько, сколько ему угодно. Из всех трактиров Ехо «Джубатыкский фонтан» единственный может быть по праву назван притоном. Подробное описание этого заведения можно найти в повести «Простые волшебные вещи».

перечень всех газет и книг, которые не удосужился прочесть сегодня. Но на работу уйдет несколько тысяч лет. Это ничего?

– Я тронут твоим великодушным предложением, – совершенно серьезно сказал Шурф. – Но такой список мне не нужен, так что не трудись. А про «Королевский голос» я спрашивал вот почему, – он взял с соседнего стола забытую кем-то газету, открыл ее на предпоследней странице и протянул мне.

Одна из заметок в разделе «Досадные происшествия» сообщала, что сегодня на рассвете трактир «Джубатыкский фонтан» сгорел дотла. К счастью, посетителей в столь ранний час там не было, а хозяин пересчитывал выручку, закрывшись в погребе, так что никто не пострадал. Журналист, в отличие от меня, относился к заведению с глубокой симпатией; по крайней мере, заметка его почти целиком состояла из горестных причитаний и страстных призывов найти и покарать гнусных поджигателей.

– Совпадение? – неуверенно предположил я. – Или это мне вещий сон приснился? А что, мое сердце учуяло всенародную беду и...

– Не знаю, почему тебе так нравится прикидываться беспечным болваном, – задумчиво сказал Шурф. – Неужели ты действительно полагаешь, что это удачно выбранная маска? Дело хозяйское, но при мне можешь не стараться. Я-то знаю, что ты не таков.

Если бы перед этим я не был вынужден проделать несколько дыхательных упражнений, я бы несомненно взвыл. А так – просто вздохнул. С тем, что сэр Джуффин Халли видит меня насквозь и знает как облупленного, я худо-бедно смирился. А теперь и этот туда же!

– Ладно, – признал я. – Весьма вероятно, что совпадения тут не при чем, и это был вовсе не пустой сон. Жаль... Погоди, но, выходит, у жителей Ехо могут начаться серьезные неприятности? Я же каждый день сплю, хотя бы пару часов. А обычно больше. И снится мне, как я уже тебе говорил, черт знает что. Просто черт знает что!

Шурф не стал расспрашивать меня, кто такой «черт» и почему он должен быть в курсе моих дел. Хвала Магистрам, за годы нашего знакомства я уже успел дать ему подробные разъяснения по целому ряду жизненно важных вопросов, вроде этого. Шурф законспектировал мои лекции в специальную тетрадку и, надо думать, вызубрил наизусть. Поэтому сейчас он не обратил никакого внимания на чуждое словечко, а лишь одобрительно заметил:

– Я же говорил, что на самом деле ты очень неплохо соображаешь.

– И что мне теперь делать? – жалобно спросил я. – Не спать? Или как?

– К сожалению, я не являюсь достаточно компетентным специалистом в этой области, – безмятежно отвечивал мой друг. – Единственное, что я могу тебе посоветовать, – немедленно расскажи все сэру Джуффину... Но это вовсе не значит, что ты должен отказаться от десерта, – добавил он, когда я стал выбираться из-за стола. – Промедление в четверть часа в таком деле мало что изменит, поверь мне.

– Да ну, какие там десерты. С таким-то камнем на сердце? Нет уж, пойду к шефу прямо сейчас. Пусть сажает меня в Холоми, откусывает мне голову и лишает недельного жалования. Чем скорее он меня покарает, тем лучше.

– Нет, это все-таки поразительно, что ты до сих пор жив, – флегматично заметил Шурф, разрезая горячий пирог. – Все чудеса Эпохи Орденос меркнут в сравнении с этим фактом.

Впрочем, в его голосе явственно звучало сочувствие.

Сэр Джуффин Халли встретил меня такой ехидной ухмылкой, что я сразу понял: объяснять ничего не придется. Шеф уже в курсе. Ничего удивительного, он вечно все обо мне знает, причем явно из куда более надежных источников, чем утренние и вечерние газеты. Сидел, небось, ждал, когда до меня дойдет, и дойдет ли вообще.

– Грозен ты, однако, – Джуффин внимательно оглядел меня с головы до ног и укоризненно покачал головой. – Что меня действительно поражает, так это нечеловеческие масштабы

твоего деяния. «Джубатыкский фонтан» – вот уж воистину цитадель мирового зла! Обсчитали тебя там, что ли? Или на ногу кто наступил?

Я вздохнул.

– Никто мне никуда не наступал. Я и был там всего один раз, пару лет назад, да и то по делу. Мы с Кофой там кого-то ловили, уже и не припомню, кого именно¹⁰...

– Всего один раз, пару лет назад? И гляди-ка, такая неукротимая ярость! Злопамятен ты, как я погляжу.

– Есть такое дело, – флегматично согласился я. – Не понравилась мне тамошняя публика. И фонтан Джубатыкской пьяни из пола бьет – запашок тот еще, я едва на ногах устоял... Вы чем издеваться, объяснили бы, что со мной происходит. Однажды что-то в таком роде уже было, помните? Мне приснилось, что я перебил всех пьянчужек-эльфов из Шимурэдского леса, а потом оказалось, что они на самом деле мертвы. Но тогда вы сказали мне, что действовал, строго говоря, не я, а заключенный во мне меч Мёнина¹¹, поэтому вместо того, чтобы терзаться угрызениями совести, я могу просто пойти пообедать. Ладно, хорошо. Но теперь-то никакого меча нет, а...

– Вот-вот, – подхватил Джуффин. – «Джубатыкский фонтан» ты самолично спалил, будь спокоен. Да уж, воистину бессмертный подвиг!

Я молчал – что тут скажешь? Небось рано или поздно шефу надоеет надо мной измышляться, и он все-таки объяснит, что происходит, и как мне теперь жить. Потому что сейчас я как никогда нуждался в хороших инструкциях. И кому как не Джуффину это понимать.

– Что ж, по крайней мере, теперь у тебя есть уникальная возможность проникнуться духом Эпохи Орденов, – шеф действительно угомонился и заговорил более-менее серьезно. – Слишком много могущества и никакой самодисциплины – это можно было сказать практически о любом из действующих лиц того времени. Тебя можно поздравить, за какие-то несчастные несколько лет ты зашел в тот самый тупик, в который все эти почтенные мужи шли на протяжении столетий. Блестящий результат. Вопрос, как долго ты теперь будешь оттуда выбираться?

– Если вам действительно кажется, будто я хоть что-то понимаю, имейте в виду, это иллюзия, – мрачно сказал я.

– А тут и понимать особо нечего, – пожал плечами Джуффин. – Недавно я дал тебе совет: учись справляться с собой самостоятельно, как делал прежде. И ты, как ни странно, более-менее преуспел в этом непростом деле. Останься ты таким, каким был, скажем, четыре года назад, сейчас мы с тобой беседовали бы о чем-нибудь более занимательном. Но, увы, время не стоит на месте. Ты потратил его с пользой и стал чрезвычайно грозным колдуном. На мой вкус, даже слишком. Не пытайся возражать, я же не комплименты тебе на светском приеме говорю, а просто констатирую прискорбный, в сущности, факт. Вышло так, что постоянное проживание в Сердце Мира, удачно выбранная профессия и некоторые особо интересные приключения сделали тебя чрезвычайно могущественным существом. То есть ты *можешь* практически все и при этом почти ничего не *умеешь*, даже такой ерунде, как контроль над собственными сновидениями, пока не обучился. Впрочем, и не мог, это даже для тебя не одного дня, и не одного года дело, хотя, казалось бы, сущие пустяки... У тебя есть сила, которой ты не способен правильно распорядиться, и при этом – жизненный опыт мальчишки, горячая голова, буйное воображение и великое множество детских страхов в придачу. Точно таким же был твой приятель Лойсо Пондохва в начале своей карьеры. Будешь смеяться, но в ту пору – как раз перед тем, как основал Орден Водяной Вороны, – он тоже завел обычай, не вставая с кровати, разрушать все, что оскорбляет его взор. Нарочно он это вытворял, или, как ты,

¹⁰ Подробности – в повести «Простые волшебные вещи».

¹¹ Об этом рассказывается в повести «Дорот, повелитель Манухов».

сдуру – это дело темное, правды теперь не узнать. Хвала Магистрам, Лойсо, вопреки всему, что о нем рассказывают, был не таким уж раздражительным, иначе от Ехо камня на камне не осталось бы... Ты становишься похож на него все больше и больше, просто сердце радуется. Как сентиментальный старик я чрезвычайно рад иметь под боком такое трогательное напоминание о старинном недруге. Но как начальник Тайного Сыска я вынужден признать: все это немного некстати. Мягко говоря.

– То есть я теперь такой крутой, что сам с собой не могу справиться? – уныло переспросил я. – И чем крепче я буду держать себя в руках наяву, тем больше бед натворю во сне?

– Ты все очень правильно понимаешь, – обрадовался шеф. – Хорошо все же, что ты такой сообразительный. А то и вовсе рехнуться с тобой можно было бы.

– Ничего себе расклад... А ведь я эти грешные дыхательные упражнения чуть ли не с утра до ночи делал! И все, значит, без толку.

– Ну не то чтобы совсем без толку. Ты молодец. Ты правда большой молодец, Макс. Беда в том, что сэр Шурф ни капельки не преувеличивал, когда говорил тебе, что занятия принесут настоящий результат не раньше, чем через пару дюжин лет. Научиться брать себя в руки и поступать сообразно обстоятельствам можно довольно быстро, особенно при твоих-то способностях. Что ты, собственно, и сделал. Но чтобы изменить свою природу, нужны годы. Десятки лет. Ты беспокоен и раздражителен; хуже того, ты полон страха, и уже успел понять, что самое простое и доступное средство от него – гнев. Это не трагедия, когда речь идет о простом обывателе, все люди в той или иной степени таковы. Но при твоём нынешнем могуществе это настоящая катастрофа.

– И что мы будем со мной делать? – спросил я. – В Холоми сажать, так, что ли?

– Я не уверен, что это выход. Если бы ты был нормальным злодеем, злоупотребляющим Очевидной Магией, тогда конечно. А так... Даже я не берусь предположить, во что выльются для нас дурацкие сны, которые ты будешь видеть на тюремной койке. Так что не будет тебе приятного отпуска и казенных харчей, мой бедный сэр Макс.

Нельзя сказать, что я очень огорчился. Но прикинулся разочарованным, чтобы порадовать шефа.

– Ладно, – решил Джуффин. – Не будем паниковать раньше времени. Может быть, это случилось с тобой в первый и последний раз в жизни. Есть такой шанс. Попробуем обойтись полумерами.

– Это как? – насторожился я.

– Постарайся спать как можно меньше, – объяснил он.

– Сдохну я от таких ваших «полумер», вот что.

– Ничего, выживешь как-нибудь. Пей побольше бальзама Кахара, а спать ложись только когда это зелье вовсе перестанет действовать. Возможно, от усталости и нервного истощения твои сновидения утратят разрушительную силу. Возможно, нет. Но проверить мою гипотезу можно только на практике.

– От усталости и нервного истощения я сам утрачу силу. И разрушительную, и созидательную, вообще какую угодно.

– Но это все же лучше, чем ссылка на неопределенный срок куда-нибудь подальше от столицы и Сердца Мира заодно, согласись, – меланхолично заметил Джуффин.

От такого поворота дела я на некоторое время утратил дар речи. А когда снова обрел, так и не нашелся, что сказать.

– Ты пойми, сэр Макс, я не ради собственного удовольствия над тобой издеваюсь, – мягко сказал шеф. – Просто ситуация действительно очень серьезная. Хуже некуда ситуация, по правде говоря. Одно утешение – в Королевском замке тебе, вроде бы, понравилось, так что Его Величеству опасность не грозит.

– Надеюсь, что нет, – вздохнул я. – Правда, мне очень не понравилась дворцовая камра. Передайте Королю, пусть они там приглядывают за кухней. А то мало ли...

Вот видишь! – совершенно серьезно подхватил Джуффин. – Даже тут ты не можешь дать мне никаких гарантий. И это очень скверно, Макс. Обстоятельства сложились так, что я обязан охранять столицу Соединенного Королевства от всех возможных бед. А ты теперь – потенциальный источник этих самых бед. И что прикажешь с тобой делать? Не убивать же, действительно... Ладно, давай так: для начала ты постарайся выполнить мои инструкции насчет сна, поглядим, к чему это приведет. Если не поможет, будем думать дальше. Что-нибудь придумаем, головы у нас с тобой светлые. Так что не отчаивайся раньше времени. И заодно вообрази, как много досуга у тебя теперь будет. Нет худа без добра.

У меня по поводу худа и так называемого «добра» имелись свои соображения, но я не стал их высказывать. Вместо этого задал вопрос, от самой формулировки которого у меня в глазах темнело.

– А куда вы меня отправите, если бессонница не поможет? Домой?

– «Домой»? Что ты имеешь в виду? – удивился Джуффин. – А, ту причудливую реальность, которой ты когда-то принадлежал? Не дури, никто не заставит тебя туда возвращаться. Хвала Магистрам, во Вселенной столько разных обитаемых Миров! Есть, где разгуляться.

Не могу сказать, что он меня действительно утешил. Но хоть так.

– погоди-ка, – шеф остановил меня на пороге. – Еще кое-что. Думаю, ты должен возместить хозяину «Джубаткского фонтана» причиненный ущерб. Формально ты, конечно, не обязан это делать. Никто не докажет, что трактир сгорел именно по твоей вине. Но мы-то знаем...

– Мы-то знаем, – эхом повторил я. – Ладно, вы правы. Моего недельного жалования хватит, как думаете?

– На твое недельное жалование можно открыть полдюжины новых паскудных забегаловок вроде этой, – утешил меня Джуффин. – И имей в виду, тебе следует сделать анонимное пожертвование. Нам с тобой ни к чему лишние слухи, верно?

– Верно, – с облегчением согласился я.

Меньше всего на свете мне хотелось объясняться с хозяином загубленного притона, да еще и благодарности его выслушивать. Ну хоть от этой беды избавился.

Когда я брел по коридору Управления Полного Порядка, мне казалось, моя жизнь теперь превратится в ад. Я буду все время хотеть спать и при этом постоянно помнить, что всякое прикосновение головы к подушке может стать роковым и закончиться ссылкой. Бессонница и страх – дивное сочетание. Зная себя, я подозревал, что все это сведет меня с ума в кратчайшие сроки.

Но оказалось, что я здорово недооценил собственное легкомыслие. Вечером того же дня мы с Меламори захлеб планировали путешествие в амобилере по окраинам Соединенного Королевства (я подозревал, что сейчас шефа будет очень легко раскрутить на внеочередной отпуск, и оказался совершенно прав). После ночи, проведенной на службе, я хлебнул бальзама Кахара и отправился с визитами, благо число друзей-приятелей, забывших уже, как я выгляжу, было к тому моменту хорошо если не трехзначным. Весь день я бешеной собакой носился по городу, не забывая время от времени прикладываться к бутылочке с чудодейственным тонирующим зельем, вечером принимал самое что ни на есть активное участие в аресте бывшего Младшего Магистра Ордена Стола на Пустоши, в полночь провожал домой леди Меламори, да так увлекся этими грешными проводами, что на службу вернулся чуть ли не на рассвете и мирно задремал в собственном кресле, часа на два. Неудивительно, что обошлось без сновидений – после такого карнавала сон мой был похож на глубокий, приятный обморок, и это было лучше, чем ничего. Много лучше.

В таком ритме я прожил еще полдюжины дней, потом мы с леди Меламори все-таки реализовали часть своих безумных планов, то есть как следует прокатились по окраинам Соединенного Королевства, оглашая окрестности азартными воплями и до полусмерти пугая провинциалов своей лихой ездой. В городах, ради осмотра которых была, теоретически, затеяна поездка, мы, ясное дело, почти не задерживались, и размеры гостиничных бассейнов интересовали нас куда больше, чем памятники архитектуры.

Неудивительно, что из отпуска я вернулся в столицу почти таким же счастливым придурком, каким был в первые годы своего тутюшнего бытия. Бессонница в сочетании с чудодейственным бальзамом Кахара, как ни странно, пошла мне на пользу, и в глубине души я уже был совершенно уверен, что снова выкрутился, как всегда.

Не тут-то было.

На третий, что ли, день после нашего возвращения, я позволил себе задремать в кресле во время ночного дежурства – собственно говоря, только так я теперь и спал, наивно полагая удобную постель своего рода полигоном для разминки опасных сновидений. Почему-то мне казалось, что навещать меня, пока я дрыхну сидя, да еще и в кресле самого сэра Джуффина Халли, они не рискнут.

На сей раз вместо того, чтобы ненадолго провалиться в сладкую тьму, я встал (то есть, мне приснилось, что встал), вышел из кабинета и отправился бродить по Управлению Полного Порядка, которое как-то незаметно превратилось в здание крытого рынка, ярко освещенное зелеными и лиловыми фонарями. Какое-то время я плутал среди рыбных и галантерейных рядов, а потом вдруг увидел у одного из прилавков капитана Фуффлоса, дальнего родственника и заместителя генерала Городской Полиции Бубуты Боха. В отличие от Бубуты, шумного, грубого и невежественного, но в общем бравого вояки и вполне добродушного дяди, Фуффлос был настоящим, неподдельным гадом. Глуп, как пробка, самодоволен до одури, совершенно не пригоден к полицейской службе и при этом мелочен и злобен, из тех, кого хлебом не корми, дай испортить жизнь хотя бы дюжине человек в сутки, иначе день считай зря прошел. Как он не вылетел со службы – ума не приложу; надо думать, Бубута тратил массу усилий, чтобы прикрыть непутевого родственника. Словом, если и был в Ехо человек, которого я действительно терпеть не мог, так это капитан Фуффлос.

В моем сне (который я сдуру полагал самой что ни на есть достоверной реальностью) капитан Фуффлос вел себя в полном соответствии с моими представлениями о его повадках. Стоял подбоченившись, распекал юную рыжеволосую торговку за отсутствие не то форменного передника, не то карточки с номером места. Грозил ей трехлетним заключением в каторжной тюрьме Нунде. Испуганная девочка размазывала по щекам слезы, зеркальный карп на прилавке превращался то в упитанного котенка, то в разноцветную трость циркача, а то и вовсе рассыпался букетами полевых цветов – тоже, надо думать, с перепугу.

Ярость переполнила меня до краев и начала капать на пол. В этом сне она выглядела как густая темная буро-зеленая жидкость, сочившаяся из-под ногтей. Я твердо знал, что умру, если не дам себе волю – немедленно! Поэтому я не стал ругать и стыдить капитана Фуффлоса, как уже не раз делал наяву, а просто подошел, схватил его за ногу, поднял, дивясь и радуясь собственной физической силе, и со всей дури приложил беднягу светлым ликом о грязный прилавок. И проснулся – счастливый, с бьющимся сердцем и мокрой, липкой от пота спиной.

Счастье мое, впрочем, было недолгим. Миг спустя я понял, что спал и видел сон – событие само по себе, мягко говоря, нежелательное. Кроме того, в этом сне я, весьма вероятно, убил человека. Ну, на худой конец, покалечил. И сделал это с превеликим наслаждением. То есть, не отказался бы повторить – даже сейчас, пуча глаза от ужаса и предвкушая грядущий разговор с Джуфффином – нет, не отказался бы, желательно, несколько раз. Тем более все равно теперь пропадать.

Что мне предстоит именно «пропадать» я не сомневался. И, дабы не затягивать агонию, послал зов шефу и рассказал ему все, что помнил.

Ответ Джуффина поразил меня в самое сердце.

«Если ты действительно укукошил Фуфлоса, я готов прятать тебя от правосудия в собственном подвале. Еще и награду за спасение Соединенного Королевства выхлопочу, пожалуй. Но сперва надо проверить, случилось ли с ним хоть что-нибудь наяву. В любом случае не падай духом, сэр Макс. И не сходи с ума. Побереги свою горячую голову. Неприятностей много, а ты один. Я скоро буду».

Такой отеческой заботы я от Господина Почтеннейшего Начальника, признаться, не ожидал. Но вместо того чтобы воспрянуть духом, заподозрил, что дела мои по-настоящему плохи. Настолько, что ругать и пугать меня уже не имеет смысла. Только и остается, что погладить по голове и убить. Ну или хоть в ссылку отправить. Запереть в каком-нибудь необитаемом Мире, вроде того, где мой приятель Лойсо Пондохва срок мотал, пока я не помог ему смыться¹². Словом, воистину капут мне. Приехали.

Джуффин, спасибо ему, не стал меня томить. Воспользовался Темным Путем и появился на пороге минут через десять. На амобилере он бы с Левого берега час добирался, знаю я этот маршрут и излюбленную скорость передвижения шефа тоже знаю – чуть-чуть быстрее, чем пешком. Наградил меня сочувственным взглядом, от чего мне окончательно стало дурно, и растормошил нахохлившегося буривуха.

– Куруш, Макс отсюда исчезал? – требовательно спросил Джуффин.

– Он не исчезал. Все время сидел в кресле. Молчал. Наверное спал. Мне было скучно, и орехи быстро закончились, – проворчала наша мудрая, но капризная птица.

– Насчет орехов – это мы сейчас исправим, – утешил его Джуффин, поспешно обшаривая ящики своего письменного стола. – Где же они? Были же вчера вечером... Макс, неужели ты слопал?

– Не слопал, а скормил по назначению, – вяло огрызнулся я. – Можно подумать, вы Куруша не знаете. Он из меня эти грешные орехи в первые же полчаса вынул. А потом еще за пирожными отправил. Все как всегда.

– Ладно, тогда придется распотрошить неприкосновенный запас, – и шеф принялся вскрывать свой сейф.

Предполагается, что в этом защищенном всеми возможными и невозможными заклятиями шкафу хранятся самые страшные тайны и самые секретные документы Соединенного Королевства. Такое конечно, тоже случается время от времени, но обычно сейф сэра Джуффина Халли служит запасным хранилищем лакомств для Куруша. На черный день, так сказать, вернее, на черный предрассветный час, когда трактиры уже закрыты, а лавки еще не открыты, и купить орехи решительно негде.

– Так что там с Фуфлосом? – не выдержал я. – Мертв?

– Не совсем, – печально сказал шеф. – Ты здорово подкачал, мальчик. Плохо сделал свою работу. У ложа Фуфлоса сейчас орудуют знахари. Сломанную ногу они ему к утру починят, не вопрос. И с лицом разберутся, снова будет красавчик – хоть куда. А вот сотрясение мозга, который у него внезапно обнаружился, и, самое главное, испуг надолго выведут капитана из строя. Это ж надо – мирно спать в своей постели и вдруг проснуться от страшного удара, полуживым калекой... Может, он теперь сам в отставку подаст, от греха подальше? Тогда труды твои не пропадут напрасно, и на орден за особые заслуги перед Соединенным Королевством все-таки можешь рассчитывать.

¹² О Лойсо Пондохве рассказывается во многих повестях цикла «Лабиринты Ехо». А о его освобождении – в повести «Возвращение Угурбадо».

– Чему вы так радуетесь? – не выдержал я. – Мне приснилось, что я покалечил Фуффлоса, и настоящий живой капитан Фуффлос действительно покалечен, нога и голова, все правильно, за ногу я его схватил, а головой о прилавок припечатал. А вы веселитесь, как будто...

– Предлагаешь мне вернуться домой и удавиться с горя? – поинтересовался Джуффин. – Так я не стану, ты уж извини. И тебе не советую. То есть дело хозяйское, но я надеюсь, ты все-таки прислушаешься к моему мнению. А знаешь, что мне нравится в этой истории?

– Грядущая отставка бедняги Фуффлоса? – мрачно спросил я. – Мне это тоже нравится. Но не настолько, чтобы я забыл о собственных интересах.

Шеф досадливо отмахнулся.

– Мне нравится, что ты никуда отсюда не исчезал, вот что, – объяснил он. – То есть, это было не настоящее магическое сновидение, как я опасался, а просто твой темперамент вышел из-под контроля. Надо думать, с «Джубатыкским фонтаном» было ровно так же. То есть ты спал и видел обычный дурацкий пустой сон, но поскольку в тебе предостаточно и могущества, и злости, пустой сон возымел неприятные последствия наяву. Твоя ярость разрушила ткань реальности – теоретически, для этого тебе даже спать не обязательно. Если бы, скажем, Фуффлос как следует разозлил тебя наяву, он вполне мог бы упасть замертво от одного твоего гнева. Думаю, этого не произошло только потому, что ты всегда можешь как следует отругать беднягу, и он тебе слова поперек не скажет. А что ж, когда могущественный человек бранит своего врага, он нередко спасает тому жизнь, ты не знал? Ну вот, теперь знаешь.

– Счастье, что больше никто не раздражает меня до такой степени, – вздохнул я. – Ну, почти никто.

– То-то и оно, что почти, – ухмыльнулся Джуффин. – Ладно. Все это, конечно, тоже скверно, но гораздо менее опасно, чем настоящее магическое сновидение, по крайней мере, для тебя самого. Ну и шанс исправить положение наметился. Плохонький, но шанс.

– Правда? – обрадовался я. – Хотите сказать, это лечится?

– Теоретически – да. На практике – поглядим, как дело пойдет, – неопределенно ответил Джуффин.

Он как-то умудрялся дружески улыбаться и хмуриться одновременно.

– Благодаря дыхательным упражнениям и прочим трудам ты научился сдерживать свой гнев и действовать, невзирая на страх, – наконец сказал он. – Стал таким же легким в общении, как в старые добрые времена. К сожалению, теперь этого недостаточно. Тебе надо научиться вовсе не испытывать эти чувства, или хотя бы их игнорировать. Держать дистанцию между собой и собой – понимаешь, о чем я? Вижу, что не очень. С годами это умение пришло бы к тебе само. Но как добиться подобного результата в кратчайший срок – вот вопрос.

Я молча ждал продолжения. Но уже приободрился. Был почти уверен, что чудесное избавление – вот оно, совсем рядом. Быть такого не может, что сэр Джуффин Халли не в силах справиться с сущей ерундой. Сейчас он еще немного поморочит мне голову в воспитательных целях, а потом – хлоп! – и заколдует. Или, наоборот, расколдует – это как поглядеть.

– Самый простой и разумный вариант – отправить тебя куда-нибудь путешествовать, – задумчиво сказал Джуффин. – Даже не обязательно в другой Мир, а просто подальше от столицы. Я почти уверен, что этого будет достаточно. На пару дюжин лет всего-то, пока не повзрослеешь по-настоящему. Кстати, на твоём месте я бы ухватился за такую возможность и уже побежал бы паковать дорожную сумку. Но ты почему-то никуда не бежишь, а, напротив, всем своим видом изображаешь скорбь и смятение. Не понимаю я тебя.

– Пара дюжин лет – это же вечность, – мрачно сказал я. – Такое у меня восприятие времени. Никому не понравится почти пожизненная ссылка. Вот на полгода я бы с радостью умотал куда угодно. Ну ладно, даже на год. Но это, как я понимаю, делу не поможет?

– Не знаю, – пожал плечами шеф. – Не думаю, честно говоря. Ты, конечно, шустрый, но все-таки не настолько.

– Я родился в мире, где пара дюжин лет – огромный срок, – напомнил я. – Примерно треть жизни. Я, конечно, уже знаю, что тут все не так, но только теоретически. Понимаете?

– Пожалуй.

Джуффин помолчал, подумал и наконец, как мне показалось, неохотно сказал:

– В общем, есть еще одна возможность. Но я не уверен, что ты сумеешь ею воспользоваться.

Я воспрянул духом и наострил уши. Еще одна возможность – это же прекрасно! Уезжать из Ехо мне совсем не хотелось, даже насчет полугода я соврал, чтобы не разочаровывать шефа.

Он начал издали.

– Помочь человеку обрести власть над собой не так просто, как ты, наверное, думаешь. Небось сидишь сейчас, недоумеваешь: почему этот злодей Джуффин душу из меня тянет, вместо того чтобы щелкнуть по носу и сделать мудрым, спокойным и уравновешенным? Так?

– Ну, в общем, да, – смущенно признался я. – Только я не думал, что вы меня именно по носу щелкнете. Какой-то более пафосный ритуал представляется... А так все верно. Неужели вы правда не умеете?

– Не умею, – признался шеф. – То есть, исправить тебе настроение на пару часов, или дней – проще простого. Но заставить тебя радикально измениться, не превратив при этом в покорного моей воле болвана – нет, и не проси. Я знаю только одного колдуна, которому это под силу. О нем, собственно, и речь.

– Сэр Маба? – обрадовался я.

Я уже привык, что в тех редких случаях, когда Джуффин чего-то не знает, или не умеет, мы с ним обычно отправляемся на поклон к его старинному приятелю Мабе Калоху, бывшему Великому Магистру Ордена Часов Попятного Времени, и все незамедлительно улаживается, причем как бы само собой: Маба очень любит делать вид, будто уже давно ни во что не вмешивается.

Но шеф покачал головой.

– Нет, не Маба. Станет он с тобой возиться, как же... А и стал бы – что толку? Максимум, что он сможет сделать в этой ситуации, так это выстроить для тебя мост во времени, отправить в прошлое, лет этак на триста назад, чтобы ты получил возможность набраться ума-разума и в таком виде снова наняться ко мне на службу, если, конечно, доживешь до этого прекрасного дня. Но мне кажется, такая перспектива устраивает тебя еще меньше, чем продолжительное путешествие по окраинам этого Мира, от которого ты только что наотрез отказался.

Я так и не понял, шутит Джуффин или говорит правду, но на всякий случай содрогнулся.

– Человека, о котором я говорю, зовут Магистр Хабба Хэн. Думаю, слово «магистр» прибавляют к его имени просто так, из вежливости. Он не состоял ни в одном из известных мне магических Орденов – разве что совсем уж в глубокой древности. Но тогда, по-моему, и Орденов никаких не было... Ладно, все это пустяки. Важно, что Хабба Хэн по-прежнему жив, здоров, регулярно навещается в Ехо и является моим добрым приятелем. Впрочем, последнее обстоятельство не имеет для тебя никакого значения. Если уж ты исхитришься найти Хаббу, он тебе поможет. А нет – ничего не попишешь, наша старая дружба тут ничего не изменит.

– А его трудно найти? – спросил я. – Как дом Мабы Калоха?

– Что ты. Отыскать дом Мабы – пара пустяков. Маба эксцентричен, что да, то да, но гостеприимен и любопытен, поэтому с ним не бывает особых проблем. Ну, в крайнем случае, проплутаешь пару лишних часов по Левобережью, тоже мне горе. Хабба Хэн – совсем другое дело.

– Ох! – жалобно сказал я.

– Именно что «ох», – подтвердил Джуффин, наливая мне камры. – Я же сказал тебе с самого начала: я не уверен, что ты сможешь воспользоваться этой возможностью. Одна надежда на твою удачу...

– Да и та – глупое чувство, – язвительно подхватил я. – В смысле надежда. Хотя моя удача тоже, конечно, та еще дура. Вся в меня.

– Вот-вот, – согласился шеф и принялся набивать трубку.

Пауза у него вышла не то чтобы такая уж долгая, но мне вполне хватило. Еще немного, и я бы на коленях стал умолять его: «Дальше, дальше!»

– Хабба Хэн, – наконец заговорил Джуффин, – очень древнее и очень могущественное существо. Язык не поворачивается назвать его «человеком», хотя с виду, конечно, он вполне обычный человек. Что для тебя сейчас особенно важно – взгляд Хаббы Хэна обладает целебной силой. Стоит ему посмотреть в глаза собеседнику, и тот мгновенно исцеляется от главной своей напасти. Безумец придет в себя, трус станет храбрецом, утративший Искру, немедленно обретет ее снова, еще и внуков своих переживет. Поскольку у тебя сейчас нет никаких серьезных проблем, кроме исключительной неуравновешенности на фоне колоссального могущества, можешь быть спокоен, после встречи с Хаббой Хэном твои сны и мысли перестанут быть опасными для окружающих. Возможно, даже ты перестанешь быть опасен сам для себя, хоть и нелегко мне вообразить такую идиллию.

– А он избавит меня именно от беспокойства? Или все-таки от могущества? – поинтересовался я. – От него, конечно, сплошные хлопоты, но не хотелось бы потерять работу.

– Могущество – не напасть, что бы ты об этом сейчас ни думал, – строго сказал шеф. – Следовательно, взгляд Хаббы Хэна тебя от него не избавит. Не выпендривайся, сэр Макс, не сбивай меня с толку. Моя задача и без того почти невыполнима. Объяснить тебе, как найти Хаббу Хэна, да так, чтобы ты понял – тот еще труд. Давно я не чувствовал себя таким беспомощным.

– А вы самыми простыми словами растолкуйте, по слогам, как распоследнему идиоту, – вздохнул я.

– Именно это я и собираюсь сделать, – заверил меня Джуффин. – Значит так, слушай внимательно. Где живет Хабба Хэн – дело темное. Подозреваю, что дом его, если и существует, то находится *не здесь*, то есть, не в этом Мире. Или даже *не сейчас*, что, в общем, не меняет дела. Просто имей в виду, что его домашний адрес – тайна за дюжиной печатей, даже для меня. Однако доподлинно известно, что Хабба Хэн каждый день гуляет по Старому Городу. Он очень любит эту часть Ехо и практически никогда ее не покидает. Ходит по улицам, подолгу сидит в трактирах. Спрашивать меня, какие трактиры он предпочитает, бесполезно, потому что у Хаббы Хэна нет предпочтений. Заходит куда придется, когда чувствует, что пришло время перекусить. Интерьер, цены и даже репутации поваров не слишком его волнуют. Никакой логики в его перемещениях по городу тоже нет. Хабба просто гуляет; встретить его можно в любое время суток, так что и тут не будет тебе подсказки.

– Какой замечательный образ жизни, однако, – ехидно вставил я.

Просто не смог удержаться.

– Да, древние существа умеют устраивать свои дела, в отличие от нас с тобой, – невозмутимо подтвердил шеф. – Все это была прелюдия, чтобы ты не питал надежд, будто Хаббу Хэна можно отыскать обычным способом. Тут тебе наш сэр Кофа не помощник. Он, к слову сказать, даже не знает о существовании Хаббы Хэна. Ему такая информация без надобности, только настроение испортит – как же, оказывается, некоторые завсегдатаи столичных трактиров не под его контролем! Поэтому я помалкиваю и ты, пожалуйста, бери с меня пример.

– Ладно, – кивнул я. – Не буду спрашивать Кофу, если так.

– Поверь, в этом деле Кофа тебе действительно без надобности. И я тоже. Либо ты встретишь Хаббу Хэна, либо нет, это касается только вас двоих, и никто не в силах тут что-либо изменить.

– И как я должен браться за поиски? Просто бродить по Старому Городу? И все?

– Совершенно верно. Но одними прогулками ты ничего не добьешься. Чтобы встретить Хаббу, тебе понадобится вся твоя удача и вся сила духа, если уж на то пошло. Правила таковы: невозможно встретить Хаббу Хэна, если ты не знаешь о его существовании, потому что Магистр Хабба Хэн не станет тратить время своей жизни на несведущих незнакомцев. Невозможно встретить Хаббу Хэна, если ты знаешь о его существовании, но не желаешь его видеть, поскольку это свидание не нужно никому. И, наконец, невозможно встретить Хаббу Хэна, если ты знаешь о его существовании и хочешь его найти, потому что Хабба предпочитает не иметь дел с людьми, которые подчиняются собственным желаниям.

– Ничего себе расклад, – хмыкнул я. – Умеете вы над людьми издеваться! Я-то, болван, слушал внимательно, запоминал...

– Болван, да. Но не потому что слушал и запоминал, а потому что решил, будто я шучу, – сурово отрезал Джуффин. – Я не издеваюсь, а просто объясняю тебе настоящее положение вещей. И заметь, это не я их так положил, честное слово.

Я невольно улыбнулся, шеф удовлетворенно хмыкнул, заботливо подлил мне камры и продолжил:

– Из всего вышесказанного напрашивается один вывод. Мне было бы приятно, если бы ты сделал его самостоятельно, но ладно уж, помогу. Что-то я милосерден сегодня не на шутку, совсем допек ты меня... Так вот, чтобы встретить Магистра Хаббу Хэна, надо знать о его существовании, твердо решить, что эта встреча тебе очень нужна, но при этом – не хотеть его встретить. То есть, ты должен искать его, осознавая необходимость встречи, но не испытывая ни малейшего желания найти. Я понятно выражаюсь?

– Выражаетесь-то вы вполне понятно, – вздохнул я. – А вот осуществить вашу инструкцию на деле я вряд ли смогу. С причудами ваш приятель, ничего не скажешь. А просто послать ему зов и договориться о встрече, конечно же, нельзя по каким-нибудь мистическим соображениям...

– Нельзя, – подтвердил Джуффин. – Хотя я не назвал бы соображения именно «мистическими». Хабба Хэн давным-давно отказался от Безмолвной речи, поскольку ему надоело трепаться со всеми, кто знает о его существовании и, соответственно, может послать зов. Так что никакой мистики.

– Да уж.

Я чувствовал себя очень несчастным и почему-то больным, как будто от разговоров про Магистра Хаббу Хэна у меня началось похмелье. Хроническая бессонница неплохо сочетается с приподнятым настроением, но с отчаянием ее лучше не смешивать, адский выходит коктейль. И тут меня осенило.

– Слушайте, так я же у нас Вершитель!

От полноты чувств я практически орал. Но Джуффина это совершенно не впечатлило.

– И что с того? – снисходительно спросил он.

– Так мои желания должны исполняться, вы же сами мне тысячу раз говорили, и не только вы... Значит что? Значит, если уж я хочу встретить этого вашего приятеля Хаббу Хэна, то и встречу. Ага?

– Ага. Рано или поздно, так или иначе, – ухмыльнулся шеф. – Например, триста лет спустя, на краю Великой Красной Пустыни Хмиро. Хабба Хэн проедет мимо на величественном куфаге, а ты будешь озадаченно глядеть ему вслед. Как тебе такая перспектива?

– Вам лишь бы издеваться, – вздохнул я.

– Я не издеваюсь, а милосердно избавляю тебя от иллюзий. Забудь о своем хваленном могуществе. Хаббу Хэна этим не проймешь. С ним, говорят, даже Король Мёнин о встрече сговориться не сумел. А что ж, очень даже может быть.

– Ладно. Скажите хотя бы, как я его узнаю? – устало спросил я. – Ну, если вдруг все-таки... На кого он похож?

– Если ты встретишь Хаббу Хэна, ты его ни с кем не перепутаешь, – заверил меня шеф. – В первое мгновение тебе покажется, что у него огненное лицо. Потом все встанет на место, и ты увидишь перед собой ничем не примечательного господина неопределенной наружности. Все остальные приметы тебе и знать-то незачем, а то будешь на каждого второго прохожего кидаться...

Я окончательно ошалел от таких подробностей.

– «Огненное лицо» – это как? Костер горит под тюрбаном?

– Не совсем. Человеческое лицо, черты которого вполне можно различить, но при этом – словно бы сотканное из пламени. Да ты не переживай, не ошибешься. Хабба один такой.

– Ну и дела, – озадаченно вздохнул я.

Мы немного помолчали. Я переваривал информацию, а шеф явно наслаждался моим замешательством. Его можно было понять, удивляться-то я пока не разучился, но давненько не глазел на него, распахнув рот, чего не было, того не было.

– Словом, так, – заключил Джуффин. – Ищи Хаббу Хэна. От всех остальных обязанностей я тебя пока освобождаю, не до того сейчас. Не найдешь, придется уехать. Ничего страшного, будешь путешествовать в свое удовольствие, время от времени сможешь навещать нас, несчастных домоседов. Справишься с собой – добро пожаловать обратно. Но лучше бы ты нашел Хаббу. Не хочется мне пару дюжин лет куковать без заместителя.

– Мне тоже не хочется, чтобы вы без него куковали. Вернее, без меня, – хмуро сказал я. – Как-то некстати все это. Как в детстве, когда играешь во дворе, а тебя вдруг зовут обедать. И сколько не объясняй, что мы, дескать, только разыгрались, сейчас самое интересное начнется, а ничего не попишешь, обстоятельства неумолимы, надо уходить...

– «В детстве», – проворчал Джуффин. – Можно подумать, оно у тебя закончилось... Ладно уж, ступай, горе мое. И для начала, так и быть, как следует выпишись. У меня такое ощущение, что в настоящий момент тебя бесит только один человек. А я с этой напастью, будь спокоен, справлюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.